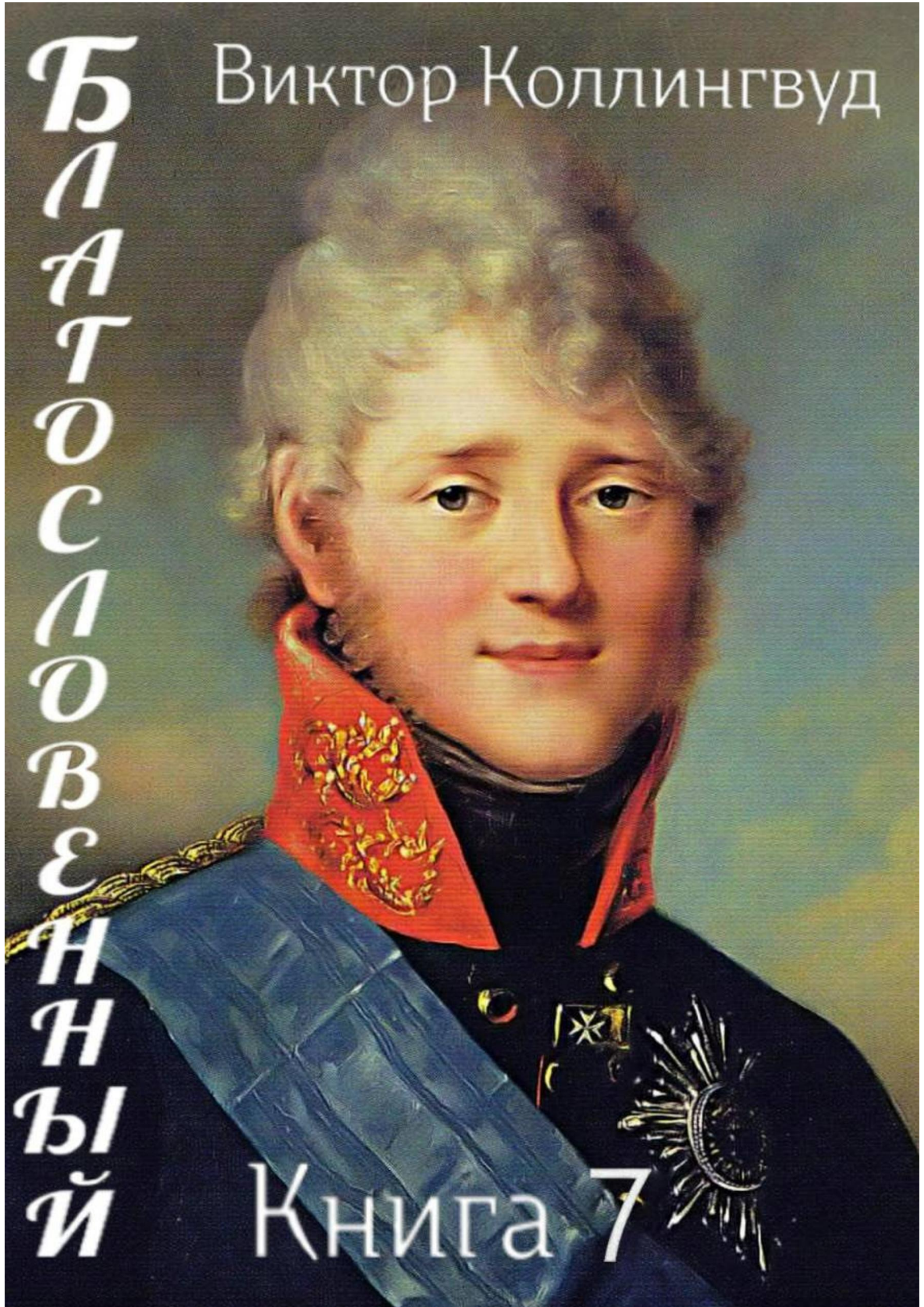

Виктор Коллингвуд

Б
Л
А
Т
О
С
Л
О
В
Е
Н
Н
Ы
Й

Книга 7

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 7

«Автор»

2026

Коллингвуд В.

Благословенный. Книга 7 / В. Коллингвуд — «Автор», 2026

Новая война началась раньше и будет тяжелее, чем можно было рассчитывать. Мощнейшая держава континента направляет свои войска для решительной схватки в самом центре Европы. Призрак наполеоновских войн навис над замершими в ужасе народами... Но есть одно "но". Наполеон - на нашей стороне.

© Коллингвуд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 7

Название: Благословенный. Книга 7

Автор(-ы): Виктор Коллингвуд

Ссылка: <https://author.today/work/433881>

Глава 1

Мсть. Мсть — вот о чём я думаю днями и ночами. Уничтожить. Взорвать. Сжечь. Стереть в порошок. Заставить всю Сибирь говорить по-французски. Войти в Париж и сжечь его ко всем чертям. Превратить Орлеан в развалины. Устроить в Парижском соборе казармы, в Реймском — конюшню, а в аббатстве Сен-Дени — солдатский бордель. Вырубить все виноградники Шампани, засыпав их солью. Отдать Нормандию и Гиень обратно англичанам. Лорды конечно, те еще уроды, но они, по крайней мере, не убивали мою жену. Разорвать Францию на куски, возродив Бургундию, Аквитанию и Бретань.

Глядя в глаза окружающих меня людей, я вижу, — они чувствуют то же самое.

Да, я знаю что никто ни в чём не виноват. Случайная пуля. Уверен, никто даже не целился в нашу карету. Всё это так; и всё равно я жажду мести.

Не останавливаясь нигде, в четыре дня я прибыл в Эфрурт. Холодным январским днём состоялось погребение моей погибшей супруги. Стылое утро встретило нас пронизывающим холодом, мелкий снег патиной покрыл комья земли, выкинутой из свежерытой могилы. Два батальона Староингерманландского полка выстроились шеренгами, обнажив головы, многие солдаты рыдали прямо в строю. Я не плакал — увы, с прошлой жизни я этого не умею. Никогда бы не подумал, что буду завидовать тем, кто не утратил способность изливать свое горе в слезах!

В день похорон появился Александр Васильевич: он верхом прискакал из Калиша. На него было страшно смотреть. Опущу душераздирающую сцену прощания Александра Васильевича с единственной дочерью: любое красноречие бессильно описать его горе. Юный Аркадий всячески поддерживал отца, хотя сам не мог сдержать слёз.

Подойдя вслед за Суворовым к гробу, я коснулся ледяных пальцев жены, поцеловал лоб и припорошенные снегом ресницы. Прощай, моя дорогая! Ты была доброй и верной супругой, прекрасной любовницей и нежной матерью. Ты ушла, оставив в сердце пустыню, и лишь два наших сына и незабвенный образ твой будут хранить твои черты в моей памяти, пока безжалостное время не доберется и до них... Впрочем, кто знает, вдруг мы ещё свидимся? Никто ведь не знает, что ждёт его за роковой чертою. Вот я один раз уже умер, а все равно еще жив...

Глухо застучали комья земли, упавшие на крышку гроба, прогрохотали ружейные залпы, и Наташа навсегда осталась в земле Тюрингии.

Делегация от местного бундесрата просила разрешить им поставить памятник, и я дал его. Английские газеты встретили известие о гибели русской императрицы от пули французского гусара с напускным сочувствием, за которым явственно ощущалась радость и предвкушение того, как два самых опасных врага Британии, наконец-то, сцепятся между собой. Парижская пресса, напротив, разразилась издевательскими комментариями, что делало всю ситуацию ещё более отвратительной. Что касается настроений в России, то они были совершенно единодушны: лягушатники должны получить по заслугам. Все, решительно все окружающие смотрели на меня, и в их глазах я видел одну невысказанную мысль: «Когда мы объявим войну?»

Но я медлил.

Прямо скажем: я не хотел этой войны. Строго говоря, нам с Францией совершенно нечего делить — общей границы у нас нет и никогда не будет, торговые интересы тоже, нельзя сказать, что очень сильно друг с другом пересекаются. И тем не менее, ледяные ветры политики с необратимостью колесницы Джаггернаута влекли наши державы к чудовищному столкновению. Забавно, но мне припомнилась хорошо знакомая по моему родному миру ситуация: Россия и Соединённые штаты находились в разных полушариях, не имели серьёзных коммерческих противоречий, и, тем не менее, прекраснейшим образом находили повод, чтобы поставить мир на грань ядерной войны. А затем, судя по всему, успешно эту грань перешли.

В военном отношении Франция представляла собою очень серьёзную величину. Десять лет непрерывной войны на континенте, давно действовавшая конскрипционная (то есть призывная) система набора армии позволили республиканцам создать мощнейшую военную машину, равной которой ещё не видел свет. Однако в процессе французы нажили себе очень много врагов, один из которых, разумеется — это Англия, богатейшая держава мира. Конечно, длительная война и большие потери во флоте серьёзно ослабили финансовый потенциал этой нации; и всё равно, кредит Сити и Сент-Джеймского кабинета оставался на недостижимой высоте. При этом из донесений наших лондонских агентов я достоверно знал, что англичане будут счастливы заключить с нами наступательный военный союз, направленный против Франции. Они мечтали об этом ещё со времён американской Войны за независимость. Похоже, теперь пришло время отыграть эту карту!

Собравшись с силами, диким усилием воли я заставил себя работать. Война требовала решений, а не скорби. Нужно было выбить из англичан максимум субсидий, а из немцев — максимум солдат.

Уже на следующий день я собирался на службу. Однако, прежде чем отдаться государственным делам, мне следовало посетить моих осиротевших мальчиков. Наташа уделяла им много внимания, постоянно нянчилась и играла с ними — теперь же, когда ее не стало, мне предстояло взять хотя бы честь ее роли на себя.

Встав на следующее утро, я поспешил к детям. В слабом, ещё не окрепшем после тревожных ночей свете утреннего солнца, проникавшем сквозь щели в тяжёлых портьерах, я медленно приблизился к резному детскому ложу. Под золотистыми, будто светлыми лучами заката, кудрями покоился мой сын, мой Саша, едва три года минувших от рожденья. Он дышал ровно, порою слегка вздрагивая во сне, точно чувствовал чью-то невидимую заботу.

Я смотрел на него долго, почти не моргая. В моей душе не то чтобы не находилось чувств — их было слишком много, но все они были приглушены непостижимой усталостью, что поселилась во мне после того ужасного случая с Наташей...

Её больше нет. Как часто я ловил себя на этом осознании, и всякий раз оно обрушивалось на меня, как разящий удар сабли. Неправдоподобно, немыслимо, невозможно! Как может быть, что её больше нет рядом?

За моей спиной возник шелест накрахмаленных юбок. Это неслышно возникла Прасковья Ивановна Гесслер, наша неизменная гувернантка, женщина строгая, но с чуткой и отзывчивой душой. Я не слышал её шагов, но внезапно ощутил её присутствие, и оно показалось мне чем-то надёжным, каким-то якорем в моём зыбком, рассыпающемся на куски мире.

— Ваше Величество, — мягко проговорила она, опустив голову. — Его Высочество скоро пробудится!

Я кивнул, но не двинулся с места. Удивительно, но я боялся. Как подойти к нему? Что говорить? Возможно ли объяснить ему то, чего и сам я не мог понять?

— Он многожды спрашивал о ней вчера, — продолжила гувернантка, и в голосе её слышалась та сдержанная боль, которую знал теперь каждый придворный. — Я отвечала ему, что матушка спит... спит далеко отсюда, но видит его во сне!

Я поднял взгляд на неё. Мне хотелось возразить, сказать, что это ложь, что мальчик должен знать правду, но слова застряли в горле. Что значила правда в сравнении с детской душой, ещё не знавшей подобного горя?

В этот миг Саша зашевелился; его ресницы дрогнули, он потянулся, приоткрыл глаза. Несколько мгновений он словно прислушивался к утреннему воздуху, затем его взор наткнулся на меня. Мальчик сел в постели, протёр кулачками глаза, а затем, улыбнувшись, протянул ко мне ручки.

Я почувствовал, как моё сердце болезненно сжалось, но я не отступил. Подойдя к нему, сел на край кровати и осторожно заключил его в объятия. Детские руки обвились вокруг моей шеи, маленькая головка уткнулась в моё плечо.

— Папа, — раздался тихий, сонный голос.

— Я здесь, Саша, — ответил я, и впервые за многие недели в этом слове не было ни страха, ни отчаяния, только тёплая, тягучая усталость.

Мальчик посмотрел на меня серьёзными, ясными глазами.

— А мама скоро вернётся?

Я закрыл глаза. Несколько мгновений не находил сил отвечать, но затем тихо произнёс:

— Она теперь всегда с нами, сынок. Она смотрит на нас с небес.

Саша задумчиво кивнул, будто принимая это объяснение. Он снова обнял меня, и я, неожиданно для себя, почувствовал, как детское тепло проникает сквозь ледяную скорлупу, что сковывала мою душу.

Глядя на него, я вдруг увидел себя в этом возрасте. Тот же золотистый свет, тот же невинный взгляд. В моём детстве тоже была своя разлука — бабушка Екатерина отняла меня у родителей, решив, что государственные интересы важнее семьи. Конечно, сам я не помнил этого, но где-то глубоко в подсознании реципиента я чувствовал отзвуки тоски по родителям. Тогда он тоже ждал, когда отец и мать вернутся, чтобы вновь почувствовать их голоса, их руки...

И теперь, когда Саша смотрел на меня с тем же доверием, что когда-то было в моих глазах, я понял — он не должен расти в одиночестве. В конце концов — когда-нибудь он будет наделен огромной властью. Возможно, это не будет «самодержавие», ведь я делаю все, чтобы оно исчезло, но и простым человеком ему явно не суждено стать. И исключительно важно, чтобы он вырос спокойным, уравновешенным, полностью психически здоровым человеком, а не сломленным отсутствием матери и невниманием отца неврастеником!

Прасковья Ивановна незаметно отошла, оставив нас вдвоём. В комнате вновь воцарилась тишина, но теперь она уже не была мёртвой и безысходной. Я сидел, держа сына в объятиях, и впервые с той роковой минуты, когда я услышал о смерти Наташи, я почувствовал, что жив.

А значит, есть ещё за что бороться.

Наконец, сына усадили завтракать, а сам я отправился на службу. Вызвав Сперанского, продиктовал ему ряд распоряжений. Прежде всего, надо было оценить силы, для чего в Эрфурт созывались наши ведущие военачальники, а также все послы в европейских государствах — из Парижа должен был приехать Морков, из Берлина — Колычов, из Вены — Разумовский. Нужно было выяснить положение дел и разработать линию поведения со всеми заинтересованными державами.

Особого внимания требовал Лондон. Посла в Англии в это время уже не было — Жеребцова была вынуждена покинуть Альбион после скандала с пленением прусского короля, а прежний посол, Семен Воронцов, после мятежа три года назад был отрешен от должности.

Верный своей привычке делать ставку на молодых и амбициозных чиновников, в поисках нового посла в Лондон я остановился на кандидатуре Петра Толстого — ещё довольно молодого, но подающего большие надежды дипломата. Разумеется, от него не стоило ждать эскапад, подобных тем, что прославили в Лондоне мадам Жеребцову; однако к серьёзной, методичной работе новый посланник в Англию был вполне готов. Вообще представители этого рода известны были дипломатическими талантами — скажем, при Петре Первом ближайший его сподвижник, Пётр Алексеевич Толстой, добился возврата в Россию царевича Алексея. Так что от Петра Алексеевича я ожидал компетентности и исполнительности на столь важном посту, каковым являлось руководство дипломатической службой в Лондоне.

Поэтому он стал одним из первых, кого я вызвал на инструктаж. Граф находился в это время в Потсдаме, и буквально через два дня уже предстал передо мною.

— Пётр Александрович, вам предстоит весьма ответственное дело. Вы знаете, что война с Францией уже практически решена; но англичанам следует представить всё совершенно иначе, и эта непростая миссия возлагается на вас. Вам следует дать понять в Лондоне, что я сломлен потерей и ударился в мистицизм, всей душой обратившись к религии. Поясните лорду Аддингтону, что в случившемся я увидел Фатум, перст Божий, и совершенно не склонен развязывать войну. Однако, если Англия согласится финансировать нашу компанию, я смогу обещать выставить от союза Российской империи и германских земель ста пятидесяти, а может быть, даже двухсоттысячное войско. Этого будет достаточно, чтобы сломить силы Консулата и войти в Париж.

Граф дисциплинированно склонил голову.

— Наша цель — продолжал я — заключается в том, чтобы выбить из англичан как можно больше субсидий. Желаемая сумма — пятьсот тысяч фунтов за каждую тысячу выставленных нами штыков. Вы можете согласиться и на четыреста, но никак не менее! Если англичане желают решить свои континентальные проблемы — им придется раскошелиться.

Пётр Александрович уважительно покачал головой.

— При этом обратите внимание, что принадлежность этих солдат не должна быть определена как однозначно русские. Это важное условие!

— Что вы имеете в виду, Ваше Величество? — не понял тот.

— Я собираюсь набрать большую часть сил в немецких землях. Так вот: для английского правительства не должно иметь значение, русские это или немецкие штыки. Если они выставлены против Франции — значит, они должны быть оплачены. Другими словами, Лондону следует субсидировать не только чисто русские силы, но и союзников, которых мы привлечём в этот конфликт. Тут вам придётся проявить всю свою дипломатическую ловкость! Дополнительные инструкции вы получите позже — я составлю их и вышлю дипломатической почтой.

Граф откланялся.

— И передайте Воронцову — крикнул я находившемуся в дверях дипломату — что ему пора уже вернуться!

Нужно было оценить и положение дел в России. Страна переживала серьезные политические перемены. Ещё в прошлом году прошли выборы в Верховную Думу и в Сенат, и теперь должно было быть сформировано новое правительство. Согласно действующей Конституции, Верховная Дума должна была представить мне 3 кандидатуры на пост Канцлера. Но, поскольку сам я находился в Германии, и в этой предвоенной ситуации не мог тратить время на поездку в Петербург, пришлось вызвать их сюда.

Наибольшее число голосов на пост канцлера в Думе получила кандидатура Виктора Кочубея, занимавшего пост Генерал-прокурора Сената. Второе место оказалось у адмирала Мордвинова, бывшего до того председателем Верховной Думы. И наконец, третье место занял министр путей сообщения, Карл Фёдорович Модерах.

Все три кандидата казались весьма достойны канцлерской должности. Но Модерах, на мой взгляд, должен был оставаться на прежнем посту, ведь коммуникации в предстоящей войны были бы, пожалуй, важнейшим вопросом нашей победы. Поэтому я серьезно рассматривал только первые две кандидатуры, сочтя, однако, за благо вызвать в Эрфурт всех троих.

Как известно, война требует трёх вещей: денег, денег, и ещё раз денег. Конфликт с Францией не обещал быть лёгким, Поэтому в преддверии войны решил тщательно взвесить и оценить свои наличные силы. И прежде всего — в области военного производства и финансов. Поэтому, кроме вышеуказанных лиц, я вызвал к себе из Петербурга еще и министра промышленности Барклай-де-Толли, а также министра финансов — графа Александра Строганова.

Кроме того, мне совершенно необходимо было увидеть руководителя Экспедиции общественной безопасности — сведения его о происходящем во Франции имели первостатейное

значение. Антон Антонович Скалон остался в Швейцарии, подготовить агентуру для работы под французской оккупацией. Слухи о вторжении в эту альпийскую республику подтвердились: корпус Массены уже вступил в кантоны Фрибур и Во.

Впрочем, даже по общедоступным данным было понятно, что Франция — противник очень и очень серьёзный. Опытнейшая, крепкая армия, обладающая к тому же огромными мобилизационными ресурсами. Вспоминая историю своего мира, я мог лишь поражаться мощи французской армии: после 20 лет почти непрерывной войны император Наполеон сумел собрать аж 600000 солдат для похода на Россию, продолжая при этом вести войну в Испании; после катастрофы 12 года, окончившейся почти полной гибелью Великой армии, собрал новую армию сопоставимых размеров, гонявшую союзников по Европе весь 1813 год! Затем эта новая армия опять же была почти полностью уничтожена в бою под Лейпцигом; и тут Наполеон вновь собрал армию, участвовавшую в кампании 1814 года!

Нет, французы — это определенно не пруссаки! Население под 40 миллионов, мощный промышленный потенциал, целая плеяда опытных военачальников, прекрасный, закалённый в боях офицерский корпус, отличный государственный аппарат, действующая на массы республиканская идеология — всё это очень-очень серьёзно! В прошлом году они в очередной раз победили Австрийскую империю, отбросив войска фельдмаршала Вурмзера из Ломбардии и взяв крепости Алессандрия и Верона. Именно поэтому войска генерала Моро оккупировали теперь Баварию, откуда и можно было ждать первого удара.

Что же, полагаю, Антон Антонович предоставит мне всю полноту информации, по крайней мере политическую и финансовую составляющую этого конфликта. А вот в области французской стратегии и тактики он, увы не силён. А между тем, знать своего врага — важнейшая из добродетелей любого полководца!

Мысль моя ртутным шариком забегала в голове, пытаюсь найти решение.

Лазар Карно! Человек, создавший французскую армию, сделавший ее такой, какова она сейчас! Надо срочно вызвать его для совещания!

И последним на сегодняшний день распоряжением я вызвал бывшего французского военного министра в Эрфурт.

В конце концов, если он хочет получить хороший пост в международной организации — пусть постарается, чтобы она появилась на свет!

Глава 2

Следующие пару недель я чувствовал себя самым натуральным лицемером и завзятым интриганом. На все вопросы о грядущей войне с Францией я отвечал категорическим «нет», хотя прекрасно знал, что она неизбежна. То же говорили и мои дипломаты: так, посол в Северо-Германском союзе, Колычёв, получил самые строгие инструкции ни под каким видом не признавать возможности войны с Францией.

— Отвечайте всем, что император сражён своей потерей, но совершенно не собирается развязывать войну. Случившееся (я старательно обходил вопрос о том, что «случившееся» — это смерть моей жены) считается результатом трагической случайности. Это фатум, рок; никто в этом не виноват!

Всё дело в том, что я хотел подороже продать немцам союз с Российской империей.

Еще летом прошлого года я получил известие о том, что среди немцев зреет идея провозгласить меня своим императором. Поначалу меня эта новость даже огорчила: дело в том, что я-то надеялся контролировать немцев через парламентские структуры Бундестага, и приложил огромные усилия для того чтобы заполнить в нём сильные позиции. Однако случилось всё совершенно по-другому.

Общаясь на конгрессе с представителями самых разных слоёв немецкого общества, я с некоторым удивлением понял что республиканские идеи не находят у немцев практически никакого отклика! Немцы — не французы; и, если последние охотно сплотились под своим триколором против «тиранов», управляющих большей частью Европы, то немцы видели свое будущее исключительно под властью какой-либо династии.

— Души добрых немцев успокоятся лишь тогда, когда они увидят свою страну под управлением монарха, которому смогут доверять, и который будет править ими с рассудительной строгостью! — напрямик высказался барон фон Штейн, обер-президент Северо-Германского союза, когда я пригласил его для подробного разговора. И затем этот длинноносый сукин сын без обиняков предложил мне корону Северо-Германской империи!

— Ваше Императорское Величество! Я уже все обсудил с высшими военными чинами. Бундеспрезидент Вильгельм не пользуется среди них популярностью; все считают его торгашом, недостойным высшего поста. Сейчас же, когда Франция показала зубы, немцам, как никогда прежде, надобен подходящий правитель: молодой, дерзкий, как буря, удачливый в военных делах и в то же время мечтательно-романтический, способный увлечь наших юношей прекрасными проектами европейского будущего без войн, картинами всеобщего процветания и счастья! Кому, как не вам, Ваше Величество, возглавить нашу страну!

— Ну что же, я должен подумать, — произнёс я, пораженный таким напором. — Предложение чрезвычайно лестное, но следует учесть все последствия!

Что же.... Тот факт, что такая возможность существует, конечно же, радовал. Такого рода кульбиты вполне себе реальны для этого времени: чего стоит одна только история появления династии Бернадоттов в Швеции. Понятно, было бы глупо упускать такой шанс! Но привычка рассматривать любой вопрос с разных сторон и под разными углами зрения подсказывала мне, что не следует спешить.

Допустим, что я стану императором Германии. Это конечно крайне заманчиво, — объединить ресурсы двух таких мощных стран. Несомненно, после этого я мог бы считаться правителем всей Европы! Но могут быть и проблемы.

Первое что мне как историку приходит на память — это так называемая «Война за испанское наследство». Когда в 1700 году умер последний испанский король Карл II, между Англией и Австрией, с одной стороны, и Францией, с другой, разразился многолетний кровопролитнейший конфликт. Всё дело в том, что испанский трон должен был достаться или Габсбургам, или

Бурбонам; и в том и в другом случае в Европе возникала суперимперия, доминирующая на континенте. В результате Война за испанские владения шла до тех пор, пока не придумали компромисс: трон получил француз, но с обязательством не объединять Францию и Испанию в одну империю. Если же я приму корону Германии — то, очень вероятно, стану врагом всей Европы! Это страшно не понравится Австрии: все прекрасно понимают, что Северо-Германский союз есть политический наследник этого королевства, а Вена всегда была на ножах с Берлином. Вряд ли в восторге будет Англия: они и так уже сильно опасаются нас, как самого мощного потенциального их противника на морях, а если у меня на руках будет корона Германии, пусть даже лишь северной ее чести — лорды сильно, скажем так... огорчатся.

Кроме того — будет ли это полезно моей стране? Ведь став правителем Германии, мне придётся неизбежно уделять внимание ее делам. А между тем в одной только России их просто невпроворот!

Ну и третий вопрос — как оказать содействие немецким заговорщикам? По словам барона Штейна и генерала Блюхера, в армейской среде вопрос можно было решить. Естественно, я тут же вспомнил про наших собственных заговорщиков с «профессором пфификологии» во главе. В свое время — буквально три года назад — барон Пален весьма недурно устроил заговор, сумев вовлечь в него самые широкие слои столичного офицерства. Отчего бы ему не блеснуть вновь своими талантами, тем более, что барон по результатам остался в живых, и даже, по неисчислимой и неисчерпаемой государевой милости, с имуществом и на свободе? Можно предположить, что этот завзятый интриган с удовольствием возьмётся помочь немецким заговорщикам, тем паче, и сам он — прибалтийский немец. Кстати, а почему бы не дать ему в помощь команду выживших заговорщиков — если поскрести по Петропавловкам и Шлиссельбургам, можно набрать как минимум офицерскую роту вполне грамотных господ, знающих военное дело, французский или немецкий языки, и в то же время вполне разбирающихся в таких делах как гвардейские заговоры. Не надо ходить к гадалке, чтобы понимать — немалое число их с радостью воспользуется возможностью реабилитации! Те, кто поумнее, могут содействовать барону Палену в организации и поддержке немецких инсургентов, а остальные — в штрафные части (кстати, надо бы срочно организовать их), и — на фронт...

Камнем преткновения была реакция президента Вильгельма. Если он жестко откажется от взаимодействия с новыми властями, основная масса провинциальных политиков Германии, скорее всего, займет пассивно-выжидательную или даже враждебную позицию. Это грозило расколом общества, а это — именно то, чего в охваченной вражеским нашествием стране из всех сил хотелось бы избежать! Впрочем, возможно, именно здесь мне было, чего предложить своим доброжелателям. Ведь деньги бундеспрезидента, с таким трудом вырванные у Ротшильда, находились в моем распоряжении... Сумма в семнадцать с лишним миллионов талеров — это то, что могло бы раскрыть не одну дверь! Вовремя брошенная на весы, она могла бы решить исход дела!

Разумеется, я все обсудил с Волконским, со Сперанским и с Михаилом Илларионовичем. Все они высказались в духе «давайте провозгласим Ваше величество императором Германии, но прежде — заключим соглашение с Англией о субсидиях». Идея показалась мне здравой, и я дал заговорщикам отмашку действовать..., но только после получения добрых вестей из Лондона.

А они все задерживались...

Интерлюдия. Малайзия, западный берег, «провинция Уэлсли».

Артур Уэлсли, бригадный генерал, с горечью наблюдал, как войска 33-го полка покидают берега Малайи.

Вот уже более пять лет служил он в колониях. Не имея денег на покупку офицерских патентов в королевской армии, Уэлсли вынужден был перейти на службу в Британскую Ост-Индскую компанию, офицеры которой на родине были печально знамениты развязностью манер и богатствами сомнительного происхождения. Тут он сделал быструю и блестящую карьеру, всего в 30 лет став уже бригадным генералом. Во время последней войны с майсурами* он командовал 33-м полком, а заодно — и всей армией союзного Хайдарабада, и прославился во время осады Серингапатама. Именно полковник Уэлсли обеспечил успех штурма резиденции Типу-султана, а затем, услышав, что султан Типу убит, лично появился у его тела и, проверив пульс, первым засвидетельствовал смерть этого злостного врага англичан. Вслед за этим он был назначен губернатором Серингапатама и Майсура — завидная должность, связанная с извлечением самых значительных барышей и не требующая рисковать собою в битвах.

Увы, счастье Артура было недолгим. Сначала его направили во главе 33 полка в Малайзию, закреплять власть на оккупированных территориях колоний Голландской Ост-Индской компании. Уэлсли безо всякого энтузиазма воспринял это назначение. Конечно, ни по широте карьерных перспектив, ни по уровню возможных доходов Малайзия ни в какой сравнение не шла с Индостаном! Впрочем, не имея привычки зря предаваться унынию, он развил на полуострове бурную деятельность: взорвал две голландские крепости, оставшиеся после капитуляции их гарнизонов в 1796 году, начал устройство новой колонии «провинция Уэлсли». И вот, новый приказ из Лондона: английские войска по договорённости с Петербургом должны очистить Малайзию, оставив за собою только остров Пинанг.

Уэлсли иронично скривился. Да, конечно, Сент-Джеймский дворец легко пошел на это, ведь столько еще голландских колоний остается неразграбленными! Теперь сэр Артур вместе с верным 33-м пехотным отправляется на Яву, с перспективой оккупировать все острова Индонезийского архипелага, на которых имеются голландские колонии или хотя бы фактории. Да, кажется, сделка выглядит выгодной..., но как политики в Лондоне не замечают, что русские все прочнее устанавливают контроль над ключевыми точками мира? Мальта, Гибралтар, Сингапур... А еще ходят слухи об их активности на Огненной Земле и вблизи Мыса Доброй Надежды! И всё это — мощнейшие, неприступные крепости; а там, где никаких укреплений и в помине не было, русские тотчас же их устраивают. Несколько лет назад Сингапур был всего лишь поросший джунглями остров, а теперь в крепости Порт-Александрийск установлено более 60 орудий! И это притом, что в Пинанге их — два! Дав орудия на весь остров, буквально заваленный дорогостоящими товарами! И вот теперь, отступая из Малайзии, Уэлсли был совершенно уверен, что русские закрепятся здесь основательно и надолго. Если не навсегда.

Впрочем, даже здесь и сейчас, находясь со связанными руками, талантливый Уэлсли сделал все от него зависящее, чтобы затруднить Медведю жизнь на полуострове Малакка. Его трудами с султанами Перака, Селангора и Риау были заключены соглашения, которыми Англия и Ост-Индская Компания признали независимость этих государств, а те предоставили англичанам права наиболее благоприятствуемой нации. Договоры эти несли сразу и антиголландскую направленность — они, вздумай царь по широте душевной вернуть Малакку голландцам, затруднили бы Нидерландам восстановление их влияния на полуострове; и, разумеется, в равной мере они были направлены и против русских.

«Попробуйте теперь поставить их в стойло» — со злорадством думал Уэлсли, обращая взор на юго-восток — туда, где в Малаккском проливе лежал остров Сингапур с процветающим свободным портом. «Султаны ни за что не согласятся добровольно покориться русским, а военной силы у них нет».

Уэлсли знал, что, несмотря на внушительные укрепления, численность сухопутных сил в Порт-Александрийске невелика. Русский царь ограничивает отпуск военных в тропические районы, опасаясь потерь от лихорадок и прочих болезней; кроме того, последние годы ему

мешают войны в Европе. «Да, в этом отношении наша Ост-Индская компания даст русским сто очков форы» — с гордостью подумал сэр Артур. Конечно, туземные войска из Индостана не шли ни в какое сравнение с войсками метрополии, но зато прекрасно противостояли местным болезням и были дешевы и доступны. В конце концов, если выбирать, что иметь под рукою — полуроту из Эссекса или полк уроженцев Хайдарабада — нельзя не предпочесть последнего варианта.

«Всему своё время и место. В колониях нужны колониальные войска. Русские этого не понимают — тем хуже для них. Как знать, может быть, мы еще сюда вернемся. Ведь когда-то голландцы далеко опережали нас в проникновении в Азию — а теперь мы захватываем их колонии одну за другой! Так что, возможно, мы еще сюда вернёмся. Верь, Малайя — Юнион Джек еще взовьётся над тобой!»

Тем временем в столице королевства Сиам – городе Раттанакосин

Дождь. Опять дождь! Небо над Раттанакосином, ещё недавно голубое и солнечное, вдруг как будто закрылась кошмой из вязкого серого войлока. Облака сгустились в зловеще клубящиеся, сверкающие молниями тучи и затаили горизонт. А ведь до сезона дождей еще далеко!

Патер Грубер ждал аудиенции сиамского принца Нана, главнокомандующего армией и наследного принца этого воинственного государства. К счастью, правители Раттанакосина не были настолько церемонны, как китайские мандарины, и потому аудиенция была подготовлена без особых затруднений. Но, всё же – Восток есть Восток; за истекшие 2 года патер страшно устал от бесконечных разъездов по Индокитаю.

Принц, невысокий энергичный азиат лет 35, одетый в скромное «кхруи» из великолепного китайского шелка. Рядом, потупя глаза, в василькового цвета платье «фа син», стояла его миниатюрная супруга, щедро украшенная тяжелыми золотыми драгоценностями.

Сиам был абсолютной монархией, которой правил «чао» или, по европейски - король. Вторым после него был наследник престола, обладавший столь широкими полномочиями, что жители Запада неизменно называли его обладателя просто «вторым королем», несмотря на то, что он не обязательно был королевской крови. При этом у «второго короля» был свой двор, свои мандарины и своя маленькая армия, и его основными обязанностями были замещать короля на придворных церемониях в мирное время и командовать армией Сиам в военное время. Принц Нан же был почти что «первым» королём Сиам – престарелый король Рама все более отходил от дел.

За истекшие два года патер сделал многое, чтобы втереться в доверие принца. Поставки оружия, вербовка военных советников, информация о положении дел во Вьетнаме – ненадёжном союзнике тайцев, и в Бирме – у смертельного врага Раттанакосина. Теперь пришло время воспользоваться инвестициями...

- Итак, мой друг, - любезно улыбаясь, заговорил принц - вы хотите, чтобы армия Сиам ворвалась на Малаккский полуостров?

Патер тотчас же сделал сконфуженное лицо.

- Я совершенно этого не хочу, великий господин! Но подумайте сами – тамошние султаны слабы, они только и ждут завоевания. И если это не сделает великий Раттанакосин, то следует ожидать того же от бирманцев!

- Вы дадите нам оружие?

- *Продадим* – сдержанно улыбнувшись, произнёс патер. - *Продадим*, мой друг. Пушки, ружья... что угодно!

- Но не умрёт ли моя армия с голоду? Снабжать продовольствием многочисленные войска в столь отдаленных местах крайне затруднительно...

- Мы можем помочь в этом. Морские перевозки вдоль полуострова позволят вам иметь неограниченные запасы продовольствия. Русские корабли из Сингапура окажут вам всё необходимое содействие. Вам только надо будет захватить одну или две удобные бухты! Ну и, конечно же, очень желательно, чтобы выступление состоялось до начала сезона дождей!

Лицо принца вдруг приняло холодное выражение.

- Мы уведомим вас о принятом решении.

Жена принца тотчас церемонно поклонилась, давая понять, что аудиенция закончена.

Патер нижайше поклонился, пряча в ладонях невольную улыбку. Он был уверен в результатах переговоров. В конце-концов, если не сиамцы, то правители Бирмы – кто-нибудь да ворвётся на полуостров!

И тогда наступит время протянуть несчастным малайцам руку помощи...

Патер не ошибся. Уже через два дня в королевстве Сиам был объявлен Великий поход на юг. Армия Раттанакосина, числом более 23 тысяч человек, под командованием принца Нана пришла в движение, втягиваясь через узкий Малаккский перешеек на полуостров Малайя. Трубя, вышагивали боевые слоны с фальконетами в наспинных башнях; быстро двигался корпус монсов**, маршировал корпус «японской» гвардии, набранный из ронинов, и снаряжённый точь-в-точь как японские самураи. Шагали, глотая пыль, солдаты тахаан — становой хребет армии Сиам; гомоня, гремели деревянными башмаками разношёрстные контингенты вассальных княжеств Чиенгмай, Лабонг, Лагонг, Нань и Пхра Луангпхабанг и Вьентьян на северо-востоке. Каждый нес на плече бамбуковую палку, на обоих концах которой был подвешен весь их багаж, кухонные принадлежности и рис на несколько дней, завязанный в мешок с небольшим количеством соли. Воду несли в бамбуковой веревке, висевшей на шее. Провизию, состоящую из риса, который после варки высушили на солнце, несли на себе в длинных мешках, также как и соль, сушеную рыбу, перец чили и другие мелкие припасы. Солдаты шли пешком, в то время как их офицеры ехали на пони или, если они имели достаточно высокий статус, на слонах. В авангарде шел небольшой отряд из приблизительно 300 человек, называемый «суа па», или «тигры из леса», разведывая местность и попутно наводя ужас на местное население.

И на султанаты Малайзии опустился страх.

* майсуры - государство на юге Индостана, разгромленное армией Британской Ост-Индской компании в 1799 году.

** монсы (моны) - этническая группа, живущая в Тайланде и Бирме, в средние века отличавшаяся воинственностью.

Глава 3

Совещание с военными было первоочередным в списке моих задач. Генерал-фельдмаршал Суворов и генерал Кутузов уже присутствовали в Эрфурте, через три дня приехали из Потсдама генерал Бонапарт и полковник Толь. На следующий день появился Лазар Карно — он также вынужден был бежать от наступающих французских войск. Я тотчас назначил с ними совещание, пригласив также представителей союзников — генералов Блюхера и престарелого фельдмаршала Калькрейта.

Речь пошла об организации сопротивления французам. По данным армейских шпионов, баварская армия Моро пока еще не покидала зимних квартир, но подготовка к весенней кампании шла там полным ходом.

Сначала нам следовало обсудить вопросы материального снабжения армии, с тем, чтобы скорее отдать необходимые распоряжения гражданским властям и Германии, и России. Вопрос этот относился к списку самых острых. Я знал, что война с Францией неизбежна; эта страна не могла бы смириться с нашим господством в Северной Германии. Но ни я, ни мои военачальники и министры никак не могли предположить, что французы начнут ее так скоро — ведь они только что закончили тяжелую войну с Австрией! По всем признакам выходило, что мы сможем оттянуть конфликт на год или два; но, как оказалось, в дело вмешались какие-то посторонние неучтённые факторы. Министр иностранных дел Северо-Германского Союза граф фон дер Гольц клялся, что послание президента Вильгельма в адрес парижского Консулата не содержало решительно никаких оскорбительных заявлений. Разумеется, я мог поручить Строганову и Скалону разобраться в произошедшем, но, увы, на результат эту уже никак не влияло.

Так или иначе, война разразилась и застала нас «со спущенными штанами». Армия находилась в процессе переформирования: мы переходили с рекрутской системы набора на систему воинской повинности, которая должна была дать нам огромные человеческие ресурсы, но пока не была должным образом налажена. Силы Северо-Германского союза, несмотря на все усилия генерал-фельдмаршала Суворова, в прошлом году отправленного мною на переобучение бывших прусских полков, еще не оправались от нанесённых им поражений и не получили должной переподготовки. В общем, с людьми всё было крайне скверно; но ещё хуже обостряло дело с оружием.

Тульский завод переводился на производство новых моделей оружия — казнозарядных нарезных винтовок под пулю Минье. Ружья эти весьма хороши — стреляют в два раза быстрее и в три раза дальше обычного, но стоят в два с половиною раза дороже, а главное — производство их пока еще нисколько не налажено, выпущенного количества не хватит даже на батальон. Сестрорецкий завод три года назад начал производство другой модели — «двухпульных» ружей, коих произведено уже более двадцати тысяч. Сейчас ими перевооружена вся гвардия и часть гренадеров. Но, опять же — этого мало! Между тем, завод почти прекратил выпуск обычных ружей — а они крайне нужны!

Ещё имеется несколько тысяч дульнозарядных нарезных ружей — ими вооружены четыре полка егерей. Но, бросить их сейчас в бой — значит раскрыть секрет этого оружия перед всей Европой!

Стоит ли оно того? Нарезное оружие пока малораспространено в Европе. Стоит нам показать свои наработки — и всё изменится...

Переооружение артиллерии тоже еще не закончено. На сегодняшний день нами отлито более 500 орудий нового типа, а нужно их полторы тысячи! Старая артиллерия соседствует в армии с новой, что не способствует её эффективности.

Поэтому обсуждение предстоящей войны я начал именно с вопроса снабжения войск.

Мы собрались в Потсдаме, во дворце Фридриха Великого. Присутствовали генералы Бонапарт, Кутузов, Блюхер, Тормасов, Толстой, фельдмаршалы Суворов и Калькрейт, а также гражданские чиновники: Румянцев, Сперанский, недавно прибывший из Петербурга министр промышленности Барклай-де-Толли (брат знаменитого генерала)

Первым делом обсудили нашу «оружейную драму». Иван Богданович с сожалением пояснил, что быстро нарастить производство ружей невозможно — иначе придется отказаться от перевооружения армии на новые образцы.

— Что же — решил я — раз так, оружие придётся закупить в Англии. Они могут поставить нам сто тысяч ружей в течение ближайших шести месяцев — их мы обратим на вооружение наших германских союзников.

По следующему вопросу — стоит ли раскрывать секрет наших нарезных стволов, генерал Бонапарт оказался вполне категоричен:

— Несколько тысяч даже очень хороших ружей не решат исход войны. Поверьте, мы справимся и так! Дайте этим егерям обычные ружья, и отправьте их в Резервную армию!

Остальные присутствующие поддержали мнение Николая Карловича.

Перешли к вооружению артиллерии. Большие надежды я возлагал на шрапнельные выстрелы. Они прекрасно показали себя в предыдущей войне, но производство из пока ещё оставалось очень ограниченным. Нашли решение и здесь:

— У нас есть некоторая замена шрапнельным снарядам — пояснил Бонапарт — это так называемая «стержневая картечь». Её производство несложно наладить прямо в Германии, — любая мастерская, способная производить добротные гвозди, справится и с этой работой. Стоит поторопиться разместить заказы на нее, имы непременно получим отличное вооружение, способное прекрасно работать против французских колонн! Если же мы привезём морем чугуна и железо из Петербурга в Магдебург и Берлин, то сможем произвести из него огромное количество ядер, картечи, и прочих припасов. Оружейные мастерские в Магдебурге, Берлинский арсенал способны снабжать нас в потребном количестве всеми основными видами боеприпасов. Надобно пользоваться возможностями завоеванной страны!

Генералу Кутузову было поручено сделать доклад касательно театра боевых действий:

— Господа! В настоящий момент, когда превосходящие силы французов подступают к нам из Баварии, мы можем придерживаться лишь оборонительного образа действий. При этом, будучи стороной обороняющейся, для нас разумно было бы поставить между нами и неприятелем естественные преграды, способные сломить его наступательный порыв. Такими преградами является расстояние, климат и соединение русских и германских сил в глубине страны. Ни в коем случае нам не следует, выдвигаясь вперед, избавлять Мора от половины пути, переносить войну в благоприятный французам умеренный климат и доставлять им преимущество разбить наши войска по частям! Полагаю, нужно просто держаться всеми силами вместе за Эльбой, единственной преградой, которая могла остановить французов, препятствуя форсированию этой реки и стараясь при этом давать только бои местного значения, которые, ничего не погубив, придали бы немецким частям давно утерянные военные навыки. Затем, после перехода французами Эльбы, нам следует отойти на Одер, а с Одера на Вислу, пока неприятель не понесёт существенных потерь от дезертирства и болезней, а у нашей армии — не произойдет накопление сил. А вот когда произошло бы соединение ста пятидесяти тысяч немцев со ста пятьюдесятью тысячами русских на топких или ледяных, в зависимости от времени года, но всегда негостеприимных равнинах Польши, тогда для французов начались бы серьезные трудности!

Тут слово взял генерал Блюхер. Судя по всему, этому рубке вариант «скифской войны» представлялся совершенно неприемлемым.

— Господа, при всех достоинствах плана генерала Кутузова прошу обратить внимание на его недостатки. Отступая, мы отдаём неприятелю на разграбление богатые территории, состав-

ляющие гордость нашей страны. Ничем кроме угрозы неспровоцированное отступление противно нашей чести и вызовет неблагоприятные последствия, как внутри, так и внешнеполитические. Кроме того, надо принять во внимание, что, отступая, нашим войскам придётся разорить местность, что произведет на обывателей крайне неблагоприятное впечатление.

В то же время, кроме Эльбы, у нас есть и другие естественные препятствия: это горы Тюрингского леса. Нам следует оставаться сплоченными за Тюрингским лесом, и на этой позиции ждать, когда Моро выйдет с той или другой стороны: через ущелья Франконии в Саксонию либо по Центральной Германской дороге на Веймар. В первом случае пруссакам, опирающимся правым крылом на Тюрингский лес и прикрытым с фронта Заале, оставалось лишь дать Наполеону продвинуться. Если бы он захотел атаковать их, прежде чем двигаться дальше, они противопоставили бы ему берега Заале, почти неприступные перед лицом армии в 45 тысяч человек. Если же он пойдёт на Эльбу, наши войска последуют за ним, по-прежнему прикрытые берегами Заале. Если же, напротив, Моро выберет Центральную Германскую дорогу, что, конечно же, менее вероятно, учитывая текущее место нахождения его войск, то ему предстоит столь долгий путь, что можно будет успеть собраться большой массой и выбрать участок, чтобы дать ему генеральное сражение, как только он выйдет из ущелий!

Началось бурное обсуждение. Силы наши были невелики: сейчас мы могли выставить против 85-ти тысячной армии Моро только 45 тысяч солдат, примерно поровну немцев и русских. Конечно, после от мобилизации и подтягивания сил из глубины страны наши силы существенно возрастут. Но было понятно, что французы тоже вряд ли ограничатся одной лишь Баварской армией. В войне против Австрии они выставляли три такие армии — Одну на Рейне, одну — на Дунае, и третью — в Италии. Теперь следовало ожидать чего-то подобного!

Это означало, что нам следует действовать оборонительно.

Конечно, если изначально не избирать линию Эльбы в качестве первого рубежа оборонительной войны, лучше всего встать за Тюрингским лесом, к чему и склонялся и генерал Бонапарт, и я сам. Однако у Бонапарта нашлось еще более смелое предложение:

— Заем же ждать, пока Моро преодолет горы? Следует препятствовать ему в этом! У нас есть прекрасная возможность устроить завалы на горных дорогах, мины мгновенного действия и разного рода засады!

Идея мне понравилась:

— Несомненно в этом предложении есть свои выгоды. Мы сможем, прикрывшись армией и Тюрингским лесом, развернуть на Эльбе дополнительные силы. Нам надо выиграть время для оснащения новых сил Северо-Германского союза, переброски дополнительных полков из глубин Российской империи, получения оружия и субсидий из Англии.

Так и было решено. Итак, Первая армия, численностью 45 тысяч человек, из коих было 20 тысяч русских и 25 тысяч немецких союзников, при 216 орудиях, должна была сдерживать неприятеля в горах Тюрингского леса. Поскольку там было три пригодных для передвижения ущелья, армию разбили на три корпуса: первым должен командовать генерал Дохтуров, вторым — генерал Остерман-Толстой, третьим — генерал Каменский.

Возглавит Первую армию Михаил Илларионович Кутузов.

Вторая армия под командованием генерал-майора Бонапарта, численностью 48 тысяч человек, в составе трех корпусов, кавалерийской дивизии, артиллерийского и конно-артиллерийского полка - будет и основного ударного кулака наших сил. Северо-Германский легион в составе двух корпусов возглавит генерал Блюхер. Он будет прикрывать северный фланг, от Гамбурга до Магдебурга. И, наконец, Резервная армия под общим командованием генерала Тормасова, базирующаяся восточнее театра предстоящих боевых действий, в окрестностях Берлина, будет выполнять роль главного резерва и формировать надёжные маршевые подкрепления для двух полевых армий.

Я согласился со всеми предложениями. Однако, при подсчёте сил стало очевидно, что даже объединенный русско-немецкие силы численно уступают французам. Нужны подкрепления!

— Сколько войск нам надо перебросить из России?

Задавая это вопрос, я понимал, что он одновременно и преждевременен — ведь формально Российская Империя еще не вступила в войну с Францией. И в то же время он может почитаться как запоздалый — ведь даже при самых срочных отправках приказов войска из России очень нескоро придут в Центральную Германию.

— Чем больше, тем лучше! — категорично заявил Бонапарт.

— Но это повлечет расходы! — заметил Толь.

— Совсем нет! Наоборот — если войск окажется недостаточно, это приведет к огромным расходам!

— Как же так? — не понял Карл Фёдорович.

— Обрушив на французов все свои силы, мы в несколько месяцев сокрушим их, и избавимся от долгой войны. Это обойдётся дешевле, чем если мы будем воевать долгие годы, задействовав лишь часть своих сил! — пояснил Бонапарт.

— Несомненно, вы правы. Пишите приказ, Карл Фёдорович — перебросить в Германию всю нашу гвардию, двадцать пехотных и шесть кавалерийских полков. Также, собрать на Дону еще четыре полка и один полк с Кубани; собрать казачий полк из Тавриды. Можем ли мы найти где-то еще войск?

— У нас есть иррегулярные силы калмыков, башкир, и киргизов, — подсказал Тормасов. — Но их эффективность крайне мала!

— Немедленно переформировать башкирские и калмыцкие полки. Первых — в легкоконные, вторых — в уланские! Объявить военный призыв!

И я приказал сформировать из новобранцев двадцать новых полков, тридцать пять маршевых батальонов, шестьдесят семь эскадронов и сорок две батареи, используя все имеющиеся возможности. На укомплектование новых полков должны были пойти в основном уже служившие, опытные солдаты; новобранцев оставляли нести службу при крепостях и в гарнизонах, и лишь после обучения они должны были отправиться на войну.

Встал вопрос и об отмене имевшихся довоенных планов.

— Ваше Величество, не следует ли отменить экспедиции в Луизиану и на Южные острова? — осторожно спросил меня полковник Толь.

Генералы переглянулись — для них необходимость сбора всех сил на решающее направление была очевидной. А вот я далеко не был в этом уверен.

Экспедиция в Луизиану предназначалась для фактического занятия её обширной территории. Полтора года назад мы получили эту испанскую колонию в аренду, но до сих пор не приступили к ее планомерному освоению. Прежде всего, надо было закрепить ее военной силой; но в прошлом году этому помешала война с Пруссией. Теперь мы располагали подготовленной эскадрой, которой собирались отправить шесть полков экспедиционных сил; но новая война ставила на этих планах крест.

Я долго колебался, но затем решил:

— Отправьте туда два полка казаков без лошадей и полк пехоты, набранный в России из линейных батальонов. Еще один полк наберите из моряков — наш флот всё равно пока мало занят в войне. Думаю, этого будет достаточно на первое время.

Слово снова взял генерал Толь.

— После консультаций с бывшим французским военным министром Карно, после разговоров с рядом немецких офицеров, участвовавших в последних боях с французами, можно сделать некоторые выводы относительно тактики противостоящей нам армии. Можно заключить, что французы — серьёзный противник! Они очень умело и грамотно применяют рассып-

ной строй. Если в прошлую войну пруссаки поражали нас своими длинными линиями и быстрым, хоть и неточным залповым огнём, то французы действуют много гибче. Если надо они рассыпают целые батальоны в стрелковые цепи, залповый огонь по которым совершенно не действенен. Мы и сами так делали во время войны 99-го года, и применяли рассыпной строй с чрезвычайной успешностью! А для наступления французы применяют колонны, смело бросая их в рукопашную. Хороша у них и артиллерия: французские артиллеристы, как никто, умеют применять свои батареи к местности, чрезвычайно удачно расставляя их на поле боя

Что же — рассудительно произнёс Михаил Илларионович. — Тут надо крепко подумать. Французы применяют рассыпной строй; что можно ему противопоставить?

— Быстрые атаки лёгкой кавалерии могли бы быть губительными для их застрельщиков — быстро ответил Александр Васильевич. Мой тесть выглядел плохо — осунувшийся, круги под глазами — но, кажется, окунувшись в военное дело, он все же понемногу стал оживать.

— Значит, надо нашу атаку предварять ударом конницы. Причём проводить ее быстро, чтобы французские стрелки не успели убежать под защиту своих линейных батальонов. Кроме того, французские колонны, увидев нашу конницу, будут вынуждены перестраиваться в каре, что заставит их потерять время на перестроение. Если всё это время их будут расстреливать наши пушки и стрелки — они понесут серьезнейшие потери — поддержал его генерал Бонапарт.

— Хорошо. Но для такой атаки у нас очень мало сил. Всего два эскадрона на пехотную дивизию — это достаточно для разведки и аванпостной службы, но совершенно недостает для тех действий, о которых вы говорите! — заметил Михаил Илларионович.

— Может, дать в каждую дивизию по полку? — предложил Толь.

Поскольку вопрос касался изменения штатов, все посмотрели на меня.

Я задумался. Вообще я, конечно, не великий стратег и тем более — тактик. Но мы во время штабных совещаний в Таврическом дворце в своё время пришли к выводу, что пехоте кавалерию надо давать, но совсем немного, по-минимуму, а основные силы нашей конницы применять массированно. Теперь мне приходилось наступить на горло собственной песне. В идеале я вообще планировал создать нечто вроде «Первой Конной Армии» Будённого. Такая манера применения конницы давала нам значительные преимущества, но против французов, обладавший великолепной пехотой, следовало усилить наши пехотные полки.

Как это сделать? Действительно ввести в дивизии кавалерийские полки? Так мы потеряем сильное подвижное «кавалерийское крыло». Мне очень этого не хотелось.

— А может нам сделать так: во-первых, добавляем в каждую дивизию ещё по два эскадрона. Так на каждый пехотный полк будет приходиться по эскадрону. Но, по необходимости мы будем забирать эти эскадроны у пехоты и собирать их в полки, создавая таким образом сводные кавалерийские дивизии.

Предложение было принято.

— Также для усиления пехоты — взял слово Бонапарт — надобно ввести в ее состав полковую артиллерию. Раз французы наступают глубокими колоннами — надо валить их ядрами, что пробивают по двадцать рядов!

— Передайте пехоте трофейные шестифунтовые пушки: по батарее в каждую дивизию. — предложил Суворов. — У нас уже достаточно четверть — и полупудовых единорогов, для того чтобы насытить нашу полевую артиллерию современными орудиями. Кроме того, надо пополнить нашу конную артиллерию. В Пруссии и Вюртемберге много прекрасных конных заводов, где можно приобрести и верховых, и артиллерийских лошадей.

— Согласен! — кивнул я. — Прежде всего, надо усилить нашу конную артиллерию, а, во-вторых — пополнить ряды кирасиров и улан. Также надобно немедленно пополнить запасы колючей проволоки, так хорошо показавшей себя в прошлую войну, электрозапалов и фугасов.

— Но как мы будем противодействовать вражеской артиллерии? — тотчас спросил артиллерист Бонапарт. Я уже думал над этим вопросом, и имел по этому поводу некоторые идеи.

— Надо, во-первых, применять против нее нашу шрапнель. Удачный разрыв шрапнельной гранаты способен поразить расчёт вражеской батареи, сделав ее небоеспособной. Также хорошо должны работать против вражеской артиллерии разрывные удлиненные гранаты. Надобно также практиковать разработанные ранее для крепостной и осадной артиллерии методу стрельбы с закрытых позиций, с корректировкой по телеграфу. У нас есть несколько батарей, умеющих это делать — надобно пустить их в дело!

— Ваше величество, но это осадные батареи, их орудия очень тяжелы и неповоротливы, и вовсе неприменимы в полевых сражениях!

— Так дайте им более лёгкие орудия! Кроме того, что у нас с полевыми ракетными установками?

— Пока — лишь одна экспериментальная батарея, Ваше Величество — сообщил Толь, чьей памяти можно было лишь позавидовать.

— Незамедлительно снимайте установки с наших кораблей и ставьте на лафеты! — немедленно распорядился я. — И расчёты тоже укомплектуйте из корабельных экипажей!

— Право же, Ваше Величество, — взял слово фельдмаршал Калькрейт — стоит ли идти на такие жертвы? Я бы не стал предавать этим якобинцам слишком уж большой роли и значения! Французские военачальники, как известно, сделали себе имя на войнах с австрийцами. Но всем прекрасно известно, что войска императора Франца никогда не отличались ни умениями, ни мужеством. Они бежали даже от турок! Полагаю, мы с французами начнём разговаривать совсем другим языком!

— Не стоит предаваться иллюзиям! — тотчас же возразил Александр Васильевич. — Австрийцы — совсем не мальчики для битья. Слабые, трусливые, совсем неспособные — не создают империй! Не стоит свысока относиться к австрийцам только лишь оттого, что они потерпели несколько поражений. Они не трусы и не бестолочи — нет. Просто они столкнулись с очень сильными, и к тому же — «неудобными» им врагами! Нет, господа, не стоит думать, что Франция — это страна-выскачка, чьи успехи на поле боя случайны. Это очень сильные войска, сказавшие новое слово и в стратегии, и в тактике, и нам, чтобы одолеть их, надобно тоже придумать что-то новое! У нас есть, конечно, кое-какие технические новинки, но в целом пока их мало.

Под конец обсудили изменения нашей пехотной тактики. Все пришли к выводу, что надо усиливать такую разновидность пехоты, как гренадеры: в каждый батальон решили ввести войска, вооруженные гранатами. Гренадеры должны будут кидать гранаты через ряды собственной пехоты: для этого они должны идти в разреженных порядках в промежутке между третьей и четвертой шеренгами войск. Первые четыре шеренги будут вести ружейный огонь, а через их головы будут кидать гранаты. Так наша пехота могла бы получить огневое превосходство над многочисленными французскими бригадами.

Однако выяснилось, что гранаты с чугунными корпусами для такой тактики не подходят! Дело в том, что при разрыва они дают слишком дальнобойные осколки, которые поражают в том числе и наши войска.

К счастью, оказалось, что генерал Бонапарт еще по опыту своей службы на Артиллерийском луге под Охтой знает решение этой проблемы:

- Делайте гранатные корпуса из стекла! Стекланные осколки полетят не так далеко. А в качестве наполнителя подойдет бертолетова соль или селитра, пропитанная нефтью.

- Но куда же девать готовые гранаты с чугунными корпусами?

Тут меня осенило:

- Приделайте к ним деревянный хвост и выстреливайте их из ружейных стволов.

Так и сделали. Ручные чугунные гранаты переделали в ружейные. Запал остался прежний – терочный, но он теперь чтобы он сработал, кольцо зацеплялось перед выстрелом за мушкету. Такие гранаты летели дальше – на 70-100 метров, и таким образом, взрывались так, что не поражали уже осколками наших пехотинцев. Теперь передние ряды вели ружейную перестрелку, а задние – выбрасывали ружейные гранаты. Так мы добились мощнейшего огневого воздействия на врага. Конечно, такая система не сработала бы против австрийцев или пруссаков, сражавшихся тонкими линиями, но зато прекрасно подействовала бы на французов с их глубокими батальонными колоннами.

Должна подействовать.

Совещание закончилось. Генералы, переговариваясь, разошлись по своим штабам и квартирам, и лишь Александр Васильевич остался со мною.

— Саша, друг мой, скажи — отчего ты не дал мне никакого назначения? Испытующе глядя мне прямо в глаза, с укором спросил тесть. — Ты ежели думаешь, что я нездоров, то брось скорее эти мысли! Я уж давно поправился.

— Александр Васильевич, что вы думаете про генерала Бонапарта? — не отвечая прямо, спросил его я.

Тень беспокойства отчётливо промелькнула в голубых глазах Суворова.

— Знатный полководец, хорошо командовал под Ружанами, да и в прочих битвах не сплывал. Хорошо знает дело, трудолюбив, вверенные войска изучает вплоть до йоты. Однако, есть у него недостаток: слишком самолюбив, и не любит выдвигать людей. У него даже самые лучшие генералы — на положении статистов. Сам воевать умеет, а других не хочет научить! — с ноткой осуждения произнёс Александр Васильевич.

— Вот! Вот в том-то и дело. А мне — да что «мне», России прежде всего — надо вырастить много добрых военачальников. Молодых, инициативных, грамотных. А то как получится — вы на покой скоро захотите, внуков нянчить, а Бонапарта, (не дай бог конечно) в любой момент может ядром убить, или он, скажем, от холеры помрёт — и что у нас останется? Нет, надо срочно, пока идёт война с первоклассным противником, готовить новых, толковых военачальников, что на долгие годы вперед будут руководить нашими войсками. И вот это-то я вам и поручаю! Вы назначаетесь моим спецпредставителем, с полномочиями заместителя Верховного главнокомандующего. А ко всем делам военного управления добавляется также кадровая задача: присмотреться и выучить лучших наших майоров, подполковников, бригадиров, генералов, составить на них досье — кто чего стоит, какие у них сильные и слабые стороны, чего от них ждать, куда применить... В общем, вы не соскучитесь!

Глава 4

Большая тёмно-коричневая карета, горделиво украшенная гербом в виде черного орла и переплетенными вензелями прусской королевской четы, быстро катилась по мощёному мелким щебнем шоссе, ведущему из Берлина в Эрфурт. С первого взгляда любой сколько-нибудь разбирающееся в деле человек непременно признал бы в этой карете первоклассный экипаж. Однако многочисленные царапины и потёртости неопровержимо свидетельствовали, что карета видала лучшие времена, а слой дорожной грязи, покрывавшей её кузов почти до окошек, наглядно демонстрировал, что экипаж проделал долгий и тяжелый путь.

Внутри нее находилось две молодых привлекательных женщины, мужчина средних лет и пожилая дама. Вслед за каретой шёл на рысях эскадрон гвардейского кавалергардского полка, от топота гигантских коней которого, казалось, содрогалась сама земля.

— Скажи мне, Тереза — взглянув в окно, произнесла одна из молодых дам — Не находишь ли ты, что всё вокруг выглядит необычайно печальным? Казалось бы — это всё та же Померания, какой я знаю и люблю ее с давних пор; и всё же, как будто тень печали и тревоги легла на эти чудесные поля, склоны холмов и ручьи!

— Я думаю, ты права, Луиза! С тех пор как ваше прекрасное королевство разрушено, весь Восток Германии кажется мне каким-то... потерянным! — отвечала Тереза.

— Вашему Величеству и Вашему Высочеству только лишь кажется так, — не согласилась с ними пожилая дама. — Личное горе ваших династий застилает вам разум, а на самом деле бюргером глубоко безразличны страдания венценосных особ!

— Увы, баронесса, вы как всегда, правы, и глубине души я не могу не признать этого! — отвечала Луиза. — И всё же, как горестно видеть всё вокруг под властью чужеземцев!

— Не думайте об этом Ваше Величество! Сегодня это единственный рецепт, могущий почитаться действенным! — отвечал ей господин, благообразная физиономия которого при этом изобразила сострадание.

— Ах, видит Бог, я была бы рада хоть на мгновение оставить эти мысли. Не стоит мне лишь обратить голову назад и увидеть наш конвой, как они возвращаются снова и снова!

Вдруг карета замедлила ход, а затем и вовсе остановилась.

— Что случилось? — высунувшись в окно кареты, спросил господин у пожилого, одетого в потёртую прусскую ливрею кучера.

— Впереди отряд солдат, они загораживают путь! — разведя руками, отвечал тот.

— Господи! И никто не заботился о том, чтобы выслать вперёд фореиторов, расчищающих дорогу? О да! Я слышала, что в России во всех делах царит свойственный этому народу беспорядок, но никак не ожидала что он так быстро придёт и к нам тоже! — сварливо заявила баронесса фон Фосс.

— Ах, София, право, вам не стоит говорить такое вслух! Если мы хотим добиться от императора Александра хоть каких-то уступок, нам следует щадить его самолюбие! — отвечала принцесса Тереза.

Вы правы, моя дорогая! — с чувством произнесла Луиза, кладя руку на локоть сестры. — Нас ждут тяжёлые переговоры, и следует быть мудрыми, аки змей, дабы вырвать из пасти Северного сфинкса то, что принадлежит нам по праву...

Тем временем карета вновь тронулась медленно проезжая вдоль бесконечно-длинной колонны сошедших на обочину солдат.

— Кто это? Русские? — близоруко прищурившись, спросила Тереза.

— Нет, Ваше Высочество, это, судя по всему, один из полков так называемого «ландвера» который барон Штейн устроил во всех провинциях своего самовольно провозглашенного государства! — присмотревшись, ответил их спутник.

— Это у них такие мундиры? Право, не отличить от русских! — с явственно слышимым презрением в голосе воскликнула баронесса фон Фосс.

— Это довольно разумно: так союзные войска не будут путать друг друга на поле битвы!

— Возможно. Но как же это унизительно — носить мундир своего врага! Видел бы это великий Фридрих! — горестно воскликнула королева Луиза. — Дорогой Карл — тотчас, без перехода, обратилась она к единственному в их компании мужчине — давайте ещё раз повторим наши доводы и аргументы!

— Ваше Величество, — приосанившись, произнёс тот. — Я убедил Ваше Величество принять участие в этой миссии, далеко не будучи уверенным в её успехе. Император Александр славится парадоксальностью своего ума — не зря он произвёл такое впечатление на господина Канта! Я сам, признаться не могу понять, как в одном человеке тяга к законности и порядку уживается с целым сомном самых вздорных якобинских идей! Право, невозможно предугадать, какие доводы способны влиять на него, а какие они будут иметь никакой силы; но всё же, нам следует попытаться Итак...

И господин с молодыми дамами пустился в пространные рассуждения о законности королевских династий и недопустимости разрушения существующих общественных устоев. Впрочем, господин этот, бывший ни кем иным, как главным министром и советником потерпевшего крушение прусского короля, по имени Карл Август фон Гарденберг. Именно он рекомендовал королеве Луизе добиться аудиенции с императором Александром, и всю дорогу от Кенигсберга до Берлина готовил её к беседе. Теперь, когда Эрфурт уже был так близок, он решил повторить урок, советуя проявлять любезность и говорить прежде всего как супруга и мать, избегая подчёркнуто политических тем, в то время как баронесса фон Фосс, не видя в этом разговоре ничего для себя интересного, подоткнула поудобнее подушки, которыми путешественники, сберегая бока, обложились со всех сторон, и задремала.

Впрочем, часа через два ей пришлось проснуться от восклицания одной из своих молодых спутниц:

— Ах, вот и Эрфурт! Путешествие показалось мне необычайно долгим!

Действительно, сначала потянулись бесконечно-длинные пригороды, а затем показался сам город, полосатый шлагбаум и будки часовых при въезде.

У заставы путешественниц уже встречало несколько высокопоставленных русских военных и чиновников Северо-Германского Союза.

Дверцы кареты открылась, внутрь заглянул полноватый длинноносый господин.

— Королева Луиза! Принцесса Тереза! Счастлив вновь видеть вас! — воскликнул он с энтузиазмом, которого явно не испытывал.

Молодые дамы, увидев его, дружно надули губки. Не дождавшись никакого ответа с их стороны, господин перевёл взгляд на другую сторону кареты, где сидели пожилая женщина и господин.

— Баронесса Фосс, боже! В Ваши годы не стоит совершать столь длительных и поспешных вояжей! — тотчас произнёс встречающий, завидев пожилую даму. Бросив же взгляд на Гарденберга, длинноносый тотчас смешался и едва лишь кивнул, очевидно, не ожидая от общения с ним ничего хорошего. Впрочем, баронесса фон Фосс тоже оказалась не склонной к конструктивному диалогу.

— Вы, должно быть, не поверите мне, барон Штейн, — сварливо прошипела старая карга — но я действительно всегда считала, что буду совершать лишь переезды от Берлина до Потсдама и обратно! Однако не по своей воле мне пришлось ехать теперь сюда от самого Кёнигсберга!

Герр Гарденберг и вовсе не удостоил барона ответом. На несколько секунд воцарилась общее молчание, прерванное той, которую называли «прусской королевой». Глядя на длиннонового барона с особенным выражением лица, на котором читалась смесь разочарования и презрения, Луиза произнесла тоном, в котором гордость встречалась с чувством самопожертвования:

— Доложите Вашему императору, что Луиза, королева Прусская и Тереза, княгиня Турн-унд-Таксис, прибыли и ожидают аудиенции!

Нет, у меня не было решительно никакого желания встречаться с двумя этими дамами. Грядущая война поглощала моё время всё без остатка, к тому же надо было уделять время детям и государственным делам — как в Германии, так и в России. Кроме того, одна из дамочек представилась *прусской королевой*, в то время как я совершенно определённо дал понять, что никакого королевства Пруссия более не существует. Очевидно было, что Луиза прибыла с целью смягчить условия мирного договора для царственного дома Пруссии после катастрофического поражения в войне.

Моя же позиция заключалась в том, что раз Пруссия прекратила существование, то и никаких переговоров теперь быть не может. Королева прибыла в сопровождении Карла Августа Гарденберга и своей сестры Терезы, вышедшей замуж за князя Турн-унд-Таксис. Последнему я тоже имел несчастье отдавить ногу, причём даже не в связи с германским урегулированием.

Дело в том, что эти самые Турн-унд-Таксисы от века обладали имперской привилегией на содержание общегерманской почты. Обязанности свои они исполняли довольно посредственно, хотя услуги их были лучше, а цены ниже, чем можно было бы ожидать от многовековой монополии. Так или иначе, но теперь их привилегия пошла прахом: усилиями графа Николая Румянцева устраивали теперь общеевропейскую почтовую компанию, призванную принести в казну Российской империи известные барыши, а заодно навеки похоронить бизнес Турн-унд-Таксисов.

Тем не менее, законы галантности, принятые в этом веке, не позволяли мне просто отослать этих дам обратно в Кёнигсберг, даже не удостоив аудиенции. Здесь это сочли бы оскорбительным — примерно как в XXI веке высморкаться в гостях в занавеску. Поэтому уже вечером я передал через адъютанта Волконского самое любезное приглашение на ужин.

Королеве шел 25-й год. Она явилась в сопровождении сестры Терезы Турн-Унд-Таксис и баронессы Фосс, одетая в белое платье из крепа, украшенное серебряной нитью. Несмотря на усталость после долгой поездки и нервное напряжение, выглядела она просто прекрасно.

— Сударыня... поклонился я ей — когда вы вошли, я было подумал, что это ангел спустился с небес!

Обычно мои комплименты вполне адекватно действуют на женщин. Это понятно — я молод, красив, статен как Гераклес и строен как Апполон. К тому же «мое величество» — вероятно, самый могущественный мужчина на всём земном шаре, а трагическая гибель супруги еще и набрасывает на мою фигуру мрачный и таинственный ореол. Такое комбо смертельно действует на впечатлительные, живые натуры; однако, подняв глаза на Луизу, я увидел лишь, что она покраснела от досады. А всё потому, что я не назвал ее «Ваше Величество»!

— Однако, чем же я могу служить вам? — произнёс я, решив побыстрее перевести разговор в практическую плоскость. — Вы с вашим супругом столь гордо игнорировали меня, даже объявили войну — что же привело вас теперь?

Заметно волнуясь, то и дело оглядываясь то на свою сестру, то на баронессу фон Фосс, королева начала свою обличительную речь:

— Император, вы видите пред собою несчастнейшую женщину! Ещё недавно я была хозяйкой чудесных дворцов, матерью обширного семейства, признанной всеми державами Европы королевой Прусского королевства. И что же теперь? Наше королевство опустошено и

расчленено; семья пленена интригами вашей шпионки Жеребцовой. Король, мой августейший супруг, подвергся угрозам от вашего графа Орлова и принужден был отречься от престола. Это чудовищное преступление вопиет к небесам! Как вы, наследственный правитель огромной империи, известный милосердием и галантностью, могли поступить так с нашей фамилией?

— Позвольте, позвольте, мадам! — прервал я это словесный поток. — Давайте восстановим историю событий. Ваша страна напала на нашу. Мы защищались, и так успешно, что сумели вас одолеть и полностью покорить. Что говорили в таком случае древние? «Горе побеждённым!». Мы лишь сделали с вами то, что вы не смогли сделать с нами. При этом, бывшие ваши подданные, видя очевидное банкротство политики Гогенцоллернов, получили возможность самим решать свою судьбу. Разве это не справедливо?

Луиза закусила губу от досады.

— Но позвольте — ведь разрушая прусское королевство, вы тем самым подвергаете сомнению и свою собственную власть! Ведь, если как вы утверждаете, у королей нет никаких наследственных прав и власть их зависит лишь от воли их подданных — значит, это суждение в полной мере относится и к Российской Империи! Разве не хотели бы вы передать трон одному из своих сыновей?

Я мысленно вздохнул: этот аргумент я слышал уже много раз ещё в прошлом году во время Общегерманского конгресса. У меня всё больше и больше складывалось впечатление, что я разговариваю с ручным попугаем герра Гарденберга... — Нет, не хотел бы. И знаете, почему? Выбор своего предназначения — это изысканнейшее из наслаждений, самый драгоценный дар, какой только может быть у любого человека! Увы, королевские семьи его лишены: родившийся первенцем должен стать королём, не так ли? Определённо, мои сыновья не будут бедняками — и хватит с них. А возносить его сразу на высочайшую ступень государственной иерархии — значит лишать его счастья служить Отечеству на предыдущих, не столь высоких постах. Кроме того не стоит забывать о такой прелестной штучке как гильотина. Если вы полагаете, что в такой дремучей стране, как Россия, или же в такой упорядоченной, как Германия это невозможно, то я сильно вас разочарую. Про французов тоже ещё недавно все говорили, что они до корней волос монархисты. Но это не помешало им свергнуть своего монарха и даже покушаться на его жизнь!

Луиза в отчаянии оглянулась на сестру. Возможно, ее взгляд придал ей сил продолжать наш спор.

— Император, но я вызываю к вашему милосердию! Моя семья полностью лишилась каких-либо доходов. Мы совершенно разорены! Семья моей сестры, княгини Турн-унд-Таксис, тоже испытывает невыносимые лишения. Власти Северо-Германского союза конфисковали почти всех их лошадей, а почта, сотни лет находившаяся в ведении этой благородной семьи, переходит ныне в управление вашего Меркурианского общества!

— Теперь идёт война, и лошади крайне нужны для армейских обозов. Несомненно, князь получит соответствующую компенсацию. Что касается почтовой деятельности — никто не воспрещает князю продолжать ее на прежних основаниях. В Союзе принята свободная конкуренция. Так что князь может совершенно спокойно соперничать с Обществом Меркурий, или же напротив слить своё дело с этой компанией, получив соответствующее количество его акций.

В глазах княгини Терезы я заметил огонёк некоторого интереса к такому предложению. Зато королева Луиза просто расплакалась.

— Боже мой! Неужели вы лишены всяческих чувств? Разве не любили вы свою жену? Разве не страдали вы, когда она погибла? Неужели вы испытав такой удар судьбы можете желать сколь гибельных последствий для других династий? Как мне быть? Посмотрите на меня! Я несчастнейшее существо на всём свете! *Климат Пруссии отвратительнее, чем это можно выразить. Моё здоровье полностью разрушено!*

Тут я почувствовал, как кровь забурила в жилах. Упоминание о гибели Наташи больно ранило меня, поэтому я ответил, наверное, резче чем следовало бы:

— Сударыня, мне неудобно про это говорить, но... Но вам стоило бы поменьше рожать. Тогда ваше здоровье было бы крепче! Что касается Вест-Пруссии, то я видел там философа Канта, подходящего к рубежу восьмидесяти лет. И это несмотря на то, что в обычае этой страны употреблять в пищу такую дрянь, как жареные вороны! Вас еще не угощали подобным образом? Жуткая гадость, не советую даже пробовать! А еще вы явно не были в Сибири. Вот где климат — так климат! А ведь там тоже живут люди...

При упоминании Сибири Луиза страшно побледнела, и я сразу понял, что допустил бестактность.

«Ну вот. Завтра же все будут рассказывать, как император Александр пугал бедную женщину ссылкой в Сибирь!» — корил себя я, заметив, как растерянно переглядываются королева Луиза с княгиней Терезой.

— Ваше Величество, люди живут и в пустынях, и в жаре Борнео, и даже на краю света, среди вечных льдов — однако это не значит, что я должна или готова повторять их подвиги! — вся покраснев от гнева, произнесла Луиза. — Что же касается моих детей — рожая их, я исполняю свой долг перед Отечеством и супругом. Право же, не стоит считать меня легкомысленной самкой!

— Сударыня я ещё раз говорю вам — с досадой отвечал я — или Европа (и вы в том числе) примите мою точку зрения на государственное устройство современных держав, или равнина Германии будут залиты кровью её сынов и дочерей, а гильотина или её будущий аналог будет работать у вас без передышки. Или я, или якобинцы — другого выбора у вас нет! Возможно, вы этого сейчас не понимаете, но поверьте: когда это станет очевидно для всех и каждого — будет уже поздно! К тому времени вы обнаружите себя стоящей на эшафоте в окружении тысяч своих бывших подданных, с ненавистью выкрикивающих одно только слово: смерть!

Вот что вам действительно стоило сделать — так это предотвратить ту несчастную войну 99-го года, когда ради английских денег ваша страна оказалась низвергнута в прах. Ведь мы не нападали на вас — вы сами позвали казаков в Берлин, а жолнежей — в Познань, Варшаву и Лодзь! Вот объясните мне, как же Пруссия позволила себе такую неосторожность напасть на Россию, да еще и в то время, когда мы ничем не угрожали вам?

— Увы, Ваше Величество... Я не принимала такого решения. Война — это мужские дела.

— Но вы говорите здесь от лица всего дома Гогенцоллернов! Именно поэтому я могу требовать от Вас ответа!

Лицо Луизы приняло упрямое выражение.

— Что же, Ваше Величество! Если говорить от имени нации — скажу одно: *слава Фридриха Великого ввела нас в заблуждение по поводу наших средств!*

Услышав такое, я окончательно взбеленился.

— Чёрт побери! Что вы такое несете? Средства — это одно, а намерения — другое. Вот я сейчас могу свернуть вам шею, и мне за это ничего не будет. Но у меня нет такого *намерения*. Вы что, действительно считаете, что для нападения на другую страну достаточно лишь способности вашей стороны одержать над ней победу? Раз так, то, пожалуй, Россия может в несколько лет сделаться хозяйкой всей Европы! Понимаете ли вы это? Понимаете ли вы, что если бы не ваше нападение на мою страну, я находился бы сейчас в Петербурге, занимаясь совсем другими делами, а моя жена... Моя жена была бы жива! И вот теперь, когда мертва она, мертвы десятки тысяч русских, поляков и сотни тысяч пруссаков, (и всё это лишь потому, что вы сочли себя способными победить Россию) и вот теперь вы мне заявляете «Ах, ну раз мы проиграли — так давайте передвинем границу на 10 вёрст и будем вести дела как обычно!» Нет! Нет и еще раз — нет! Пруссия напала на Россию — и все, Пруссии более не существует! Иное стало бы оскорблением для сотен тысяч погибших в этой войне!

И поверьте мне, французам повезло в том, что они объявили войну Северной Германии, а не России. Напади они прямо на нас — я не сложил бы оружие до полного уничтожения их государственности!

Кажется, я говорил это слишком эмоционально. Кажется, на глазах моих даже выступили слёзы...

Луиза покинула меня, уткнувшись в носовой платок. Тереза посматривала в мою сторону с некоторым изумлением и даже сочувствием; баронесса фон Фосс кинула напоследок истинно змеиный взгляд.

Но что-то подсказывало мне: разговор этот — совсем не последний...

Глава 5

Тем временем стали подтягиваться мои гражданские министры и дипломаты. Первым приехали Иван Богданович Барклай-де-Толли, министр промышленности, и Александр Строганов, министр финансов. Последний, как оказалось, находился в Потсдаме, и, узнав о моем прибытии в Эрфурт, безо всякого вызова поспешил навстречу.

Граф Александр Сергеевич Строганов был старейшим членом моего кабинета — ему шел уже седьмой десяток. В прошлое царствование он запомнился большими расходами, делаемыми из любви к искусствам и меценатства, и в то же время — исключительным умением вести дела. Екатерина Великая, представляя его австрийскому императору, когда-то изволила пошутить: «вот человек, что весь век свой хлопочет, как бы ему разориться, да никак не может в сём преуспеть».

Тем не менее, подробный его отчет показал, что дела наши обстоят очень и очень неоднозначно.

Прежде всего, в империи снизились налоговые поступления. Более 800 тысяч крестьян в последние три года переселились из своих родных мест в Тавриду, Новороссию, Поволжье и предгорья Северного Кавказа. Все эти переселенцы, естественно, уже не платили подушную подать по месту своего прежнего жительства, а на новых землях для них действовали налоговые послабления. Более того, свободный режим перемещения привёл к тому, что многие крестьяне покидали деревни ради подработки в городах, да так и пропадали там, исчезая из поля зрения фискальных органов. Конечно, в рамках волости действовала «круговая порука» на уплату подушных податей, но практически это влекло лишь рост недоимок. Это был крайне тревожный знак. Конечно, недоимки случались и ранее — когда я пришел к власти в конце 1796 года, только по подушным платежам пришлось простить 7 миллионов недоимки. Но то, что в мирное время казалось лишь досадным недоразумением, во время войны с первоклассной европейской державой становилось совершенно недопустимо!

— Пусть волости конфискуют у таких крестьян земельные наделы, выводят их отдельным клином и продают с торгов! — рассвирепев, приказал я.

— Ваше Величество — втянув голову в плечи, сконфуженно произнёс Александр Сергеевич, — но по действующему Основному закону такого рода решения есть привилегия Верховной Думы и Правительствующего Сената!

Чёрт. Я и забыл, что теперь законы такого рода надо проводить через представительные органы. Сам себе создал этакий геморрой, сам об него и спотыкаюсь....

— Иницилируйте процедуру принятия законопроекта! — недовольно отрезал я. — Что у нас далее?

Оказалось, последний год, к тому же, сильно сократились таможенные поступления: после вступления в силу договора с Англией о беспошлинной торговле большая часть товаров поступала в Империю без какого-либо обложения. И это, в свою очередь, проделало изрядную дыру в бюджете.

Конечно, последние годы мы получили немалые средства за счёт удачных сделок с Англией, доходов от чайной монополии и многого другого. Поступила нам и часть прусской контрибуции. Но всё это разовые суммы, они растворяются без следа в общем потоке расходов. Большая же часть контрибуционных денег теперь обращена на формирование армии Северо-Германского союза; а часть суммы была по политическим причинам прощена. Это всё означало, что новых поступлений из Германии ожидать не приходилось.

Спасало нас теперь только одно: уральское золото. Налаженная несколько лет назад добыча россыпного, «песошного» золота нарастала с каждым годом и в 1800 году составила уже более тысячи четырёхсот пудов; это, без малого, двенадцать миллионов рублей. Немало

добыли в Калифорнии, но эти средства до Петербурга никогда не доходили — они были задействованы в торговле с Китаем, а еще применялись для финансирования наших тихоокеанских проектов.

Итак, с финансами дела обстояли сильно «не очень», а война с Францией не обещала быть ни быстрой, ни лёгкой.

Ещё через две недели в Эрфурт в одном экипаже прибыли господа Кочубей, Модерах, и адмирал Мордвинов.

Адмирал был вызван мною первым. Не откладывая дела в долгий ящик, я сообщил, что именно его вижу на посту канцлера.

С Николаем Семеновичем я уже был знаком по своим делам в качестве президента Морской Коллегии, и знал его как вполне толкового администратора и военачальника. Конечно, оставалось только гадать, каков он будет в качестве главы правительства; ведь такой должности он никогда ещё не отправлял. Впрочем, рассуждал он очень грамотно и дельно: как мне донесли, именно пылкими речами либеральной направленности адмиралу и удалось убедить наших свежее испечённых «парламентариев» в своей дееспособности как потенциального канцлера Империи. Причём в некоторых отношениях он казался даже более смелым и заходил дальше, чем я сам!

Так или иначе, а встреча с кандидатом на должность главы правительства была, конечно же, приоритетной задачей, и уже на следующий день после его появления в Эрфурте я вызвал Мордвинова для собеседования.

— С благополучным прибытием! — приветствовал я его. — Скажите, какую задачу вы на посту канцлера видите наиболее неотложной и важной?

Николай Семенович прежде всего самым верноподданным образом поклонился, затем, собравшись с мыслями, стал излагать свои соображения, давно, видимо, им обдумываемые.

— Прежде всего, надобно всячески защитить личные права и свободы подданных Вашего Величества. Человек без личной свободы всегда малодетелен. Начатые реформы, столь благотворно повлиявшие на низшие слои населения, должны быть продолжены. Также, человек без непоколебимых прав собственности всегда нерадив. Надобно твёрдо соблюдать гражданские права, но притом, никакое право не получает твердого основания, как с приобретением богатства, личной свободы и обеспечения личной собственности. И здесь, Ваше Величество, весьма важна надёжная их защита! У нас же ныне число судебных дел, ждущих разрешения, не только не уменьшилось, но еще более возросло!

— Как так? — поразился я. — Уж мы создали и Высший суд, и суды присяжных, а воз и ныне там?

— Полагаю, Ваше величество, что дело упирается в запутанность самого русского законодательства. Ведь и в гражданской, и в сфере уголовного судопроизводства все основывается на Уложении 1649 года, к которому за истёкшие полтора столетия присовокупили бесчисленное множество манифестов и указов, часто весьма противоречащих друг другу! Судам трудно разбираться в деле, пользуясь таким нескладным законодательным материалом. Законы должны быть просты и легкоупотребимы — сие знали и говорили еще древние греки!

Да... Как говаривал Пётр I, от старых блох трудно избавиться! Что же, пора принимать решительные меры!

— Николай Семенович, давайте поступим так: я даю вам Сперанского, и вы в ближайший год создаете проект Гражданского уложения, а на следующий год — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Как только эти законы выйдут, утверждаем их в Верховной Думе, в Сенате, вводим в действие, и все старые, запутанные законы, какие только не есть — отменяем напрочь!

В глазах Мордвинова мелькнул испуг — такой решительности он, видимо, не ожидал — но возражений не последовало.

— Ладно, с законодательной сферой понятно. Давайте перейдём к экономическим делам. Какие меры вы намерены принять в первую очередь?

— Полагаю, Ваше Величество, что первое богатство государства должно состоять в числе народа. Правительству надобно всячески способствовать преумножению населения, но при этом - придумывать способы к его изобильному прокормлению и к обеспечению будущего его благосостояния, ибо приумножение народа полезно токмо тогда, если каждый доволен своим бытием и жизнь его не подвержена нищете, наготе, гладу! Притом, благосостояние частное есть начало и основание общественного. Надобно дать народу возможности обогащаться, и тем возвышать общее благо. Когда капиталы обратятся на общепользные предприятия, когда все то, что доньше большею частию мы у чуждых народов заимствовать принуждены, производимо будет внутри пределов наших, тогда токмо взойдет Россия на степень предназначенного ей совершенства, и тогда лишь сможет она ступить в сравнение с теми державами Европы, кои в течение веков и с великими усилиями успели сего достигнуть. Ныне мы достигли многого на сём пути, и надобно нам продолжать всячески развивать богатства частные. Правительство, которое в богатстве частном усматривает и свое процветание, дает полную свободу промышленности всякого рода, достигает богатства и изобилия в казенных доходах, ибо из богатого источника возможно почерпать многое! У нас же теперь дела с преумножением богатства весьма нехороши...

— Отчего же? — угрюмо спросил я.

Мордвинов доложил, что в последние годы весьма ухудшилось положение дворянства. Мало кто из них сумел приспособиться к новым условиям, и большая их часть по-прежнему жила с доходов от поместий, ныне сильно уменьшившихся. Правда, возникло несколько неожиданных последствий: так, за отсутствием средств дворяне стали активнее поступать на службу, и на военную, и на гражданскую государственную, и даже на частную — в нарождающиеся, разного рода, купеческие и промышленные компании. Многие начали понимать, что сколь-нибудь значимые средства можно добыть лишь в промышленности, торговле и финансах, и начали отдавать сыновей на технические факультеты Московского, а также недавно появившихся Северо-Западного, Харьковского и Казанского университетов, в Санкт-Петербургское Коммерческое училище; многие, наслушавшись бывалых моряков, поступали в Морской корпус и школу гражданских моряков в Английском дворце. Ну и, наконец, растущая и победоносная армия поглощала немалое число молодых дворян, традиционно склонных к этому почётному в обществе занятию.

— И что вы планируете сделать для возрождения дворянского благополучия? Вернуть крепостное право не предлагайте — такого я не допущу!

Николай Семенович возмущенно замотал головой.

— Ваше Величество! Нет никакой необходимости прибегать к столь отчаянным мерам! Частная польза и частное обогащение суть основание всеобщего процветания! Главной обязанностью своею, как канцлера я вижу сохранение капиталов в целостности их. Истребление одного частного капитала влечет за собой не только разорение и бедность многих частных людей, но и причиняет невозвратимую потерю и для государственного казначейства! Надобно всецело преумножать капиталы, устроить для них частные банки и разного рода сберегательные кассы! А из капиталов надобно ссужать тех, кто восхочет открыть разного рода промышленные заведения. Взирая на всю обширную площадь России, простирающуюся от города Архангельского до Астрахани, от западной границы до восточной, нельзя ни под каким видом оспорить, чтобы на ней не было множества мест таких, где фабрики с удобством и величайшими выгодами заведены быть могут! Дворянам лишь нужно более времени, дабы осознать, куда им надобно теперь прилагать свои усилия!

Итак, со слов Мордвинова выходило, что он сохранит мою экономическую политику. Меня это более чем устраивало.

— Хорошо, подготовьте законопроект касательно банков и иных финансовых заведений. Особое внимание обратите на механизм взыскания просроченных долгов. У нас уже много денег было роздано зря — нужно прекратить эти злоупотребления!

Затем мы переговорили о кандидатурах министров. Румянцев и Модерах сохраняли свои места, причём оба они становились вице-канцлерами — заместителями Николая Семёновича. На место главы «Общества Меркурий» Николай Семенович прочил Александра Николаевича Радищева, занимавшего доселе место начальника Департамента Таможенного дела в Министерстве Коммерции.

— Нет, Радищева я предназначил на другое место — пояснил я Мордвинову. — Как вы, должно быть, знаете, сейчас мы приступаем к присоединению в наши владения полуострова Малакка, Новой Голландии, которую теперь следует называть «Южная Земля» — Австралия, и Луизианы. В Малайе, как вы знаете, имеются обширные оловянные копи — следует заняться расширением этих промыслов. Также, имеется прекрасная возможность устроить там хлопковые плантации, выращивать сахарный тростник, кофе и индиго. Последнее особенно важно — этот краситель идёт на покраску мундиров наших солдат. Губернатору Муловскому даны на сей счёт необходимые указания.

Далее мы заговорили про наши заморские колониальные приобретения. Здесь нам предстояло сделать три важные вещи: во-первых, как уже сказано, оккупировать территорию полуострова Малакка, передаваемую нам англичанами согласно прошлогодних мирных соглашений. Во-вторых, утвердиться в Луизиане, и, в третьих, пора было заняться Австралией.

Австралия — целый материк, требующий изучения. Нам следует устроить поселения на южном берегу, в самом благоприятном климате, (предположительно там, где в известном мне мире располагался Мельбурн) и исследовать как побережье, так и глубины этого континента. Для этой цели нанят немецкий путешественник и естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт. Он должен прибыть теперь в Сингапур, куда для путешествия по австралийским пустыням направлены персидские верблюды и погонщики-парсы.

Что же касается до Луизианы, принятой в аренду от Испании (соглашение это держалось в тайне, так что официальной процедуры ещё даже не состоялось), то в это недавнее наше приобретение мы собирались силами Добровольного флота организовать перевозку эмигрантов из Европы. Высадив в Новом Орлеане, мы будем отправлять их пароходами вверх по Миссисипи, принимая плату за перевозку маисом, пшеницей и хлопком, которые мигранты вырастят на новых землях. Губернатором Луизианы я собираюсь назначить Радищева.

— Кого же можно поставить на почтовое ведомство? — осведомился Мордвинов.

— Со дня на день я жду приезда в Эрфурт Семена Романовича Воронцова. Он, как вы знаете, освобожден от обязанностей посла в Лондоне, и ныне свободен для назначений. Вот ему-то и предложите сей пост!

— Да. Семен Романович, я уверен, прекрасно справится.

— Кстати, Александра Романовича, я полагаю, тоже можно вернуть из ссылки. Кстати, где он ее отбывает?

— В своих Костромских имениях, Ваше Величество!

— Предложите ему возглавить Западно-Сибирское наместничество. Да, и чем теперь занят Александр Александрович Саблуков? Он мог бы возглавить компанию «Русский Дом», а то Николай Петрович Румянцев уже разрывается на куски!

Саблуков этот был примечательной фигурой. В так и не состоявшееся царствование Павла I он должен был поспорить с императором по поводу окраски мундиров, за что оказался в опале. Конечно, теперь уже трудно сказать, кто там был прав, а кто — нет, но сам факт того что Александр Александрович, отстаивая свое мнение, осмелился спорить с императором, определенно, говорил в его пользу!

— Он возглавляет Департамент Землемерия, Ваше Величество!

— Эта должность явно мала ему. Давайте назначим его на «Русского дома»

— Будет исполнено, Ваше Величество! А кого следует назначить на место директора — распорядителя Добровольного флота?

— Адмирал Пустошкин, определенно, справится с этой задачей.

Затем мы обсудили предстоящую совместную работу. Я ещё в том году я хотел поехать на Урал, дабы своими глазами ознакомиться с работой местной горной промышленности. Но если в прошлом году мне помешала война с Пруссией и Конгресс, то в этот раз от поездки пришлось отказаться из-за нависшей над нами угрозы войны с Францией.

Наконец Мордвинов раскланялся, а я некоторое время печально размышлял о случившемся. Как же не вовремя случилась эта война! У нас были все предпосылки для успешнейшего роста промышленности: огромная германская контрибуция и золото Урала должны были подстегнуть и заводское, и дорожное строительство, и многое-многое другое. А теперь мы вместо этого вынуждены вновь воевать, сжигая деньги в топке военных расходов... Я уж не говорю о гибели Наташи. Чёрт бы побрал этих выскочку Жубера и старого сукина сына Сийеса!

Глава 6

— Да откроют они нам, наконец?

Ранним утром у дома Уильяма Питта-младшего остановилась прекрасная, на резиновом ходу коляска, откуда вышли четыре джентльмена. Немногочисленные зеваки, для которых подобные визиты к дому бывшего влиятельного премьер-министра были далеко не в новинку, тут же узнали среди них лорда Гренвилла — родственника сэра Уильяма — и восходящую звезду английской политики, лорда Каслри; причём первый, в течение десяти минут названивавший в дверной звонок, уже начинал терять терпение.

Наконец за дверью явственно загремели ключи — на вызов колокольчика явился Сидней, бессменный камердинер Уильяма Питта-младшего. Одетый в старомодный сюртук, напудренный парик с тупеом, он буквально олицетворял собою респектабельность доброй старой Англии времен королевы Анны.

— Любезный, — нервно произнёс лорд Гренвилл — мы с лордом Каслри прибыли к твоему хозяину по срочному делу. Будь добр, поторопи его, ибо дело не терпит отлагательств!

Дворецкий окинув взглядом ранних визитёров, обещал тотчас же доложить, и, неодобрительно покачивая головой с видом «ну господа, вы же знаете сами, что явились слишком рано» отправился к своему патрону.

Уильям Питт уже проснулся и сидел на оттоманке в атласном тёмно-синем шлафроке. Рядом на изящном письменном столике, изрядно потемневшем от постоянно засыхавших на нём потёков красного вина, стояло и лежало несколько пустых бутылок из-под портвейна и хереса, очевидно, опустошённые прошлым вечером. При виде этого зрелища Сидней мысленно вздохнул: никогда не отличавшийся трезвеннической жизнью сэр Уильям последние месяцы перешел все границы, иной раз опустошая по восемь бутылок в день. «Этак он, пожалуй, перейдёт на джин, и кончит, как большинство лондонских бедняков — преждевременной и жалкой смертью» — подумал камердинер, но, убирая остатки вчерашней неводержанности хозяина, разумеется, не произнёс ни слова.

— К вам лорд Гренвилл, сэр! С ним лорд Каслри и еще два джентльмена, сэр!

Питт устало потёр узкой ладонью воспалённые, с глубокими коричневыми тенями глаза.

— Что за господа? — тяжело подняв голову, спросил он, сделав это голосом человека, которому проще умереть, чем выйти к гостям. Сидней понял, что вопрос касается незнакомых ему гостей — ведь лорды Гренвилл и Каслри были прекрасно известны Питту.

— Не знаю, сэр! — сдержанно отвечал камердинер. — По виду — иностранцы, сэр!

Тяжело вздохнув, сэр Уильям поджал губы, явно мысленно пытаясь смириться с необходимостью встать и вести умные речи

— Сидней, отправляйтесь к визитёрам и сообщите, что я приму их в гостиной через четверть часа. Затем подайте мне горячей воды для умывания и мой тёмно-зелёный сюртук.

Умывшись и одевшись, мистер Питт разительным образом изменился. Его высокая, неуклюжая костлявая фигура казалось, выросла вдруг до самого потолка и теперь дышала достоинством; резким движением сэр Уильям вздёргнул голову, натягивая на лицо маску холодного высокомерия. Пройдя в гостиную и устроившись в кресло у камина, он скованно, но благосклонно кивнул Сиднею.

— Проси джентльменов войти! — произнёс он тоном, которым можно было бы заморозить Северное море.

Вскоре визитёры предстали перед бывшим премьер-министром.

Лорд Гренвилл, двоюродный брат Уильяма Питта, как и тот, с юности занимавший место в Палате Общин, уже успел побывать ее спикером и даже министром иностранных дел; но,

несмотря на родство с Питтом, старался занимать независимую позицию. Это позволило ему занять в новом правительстве Аддингтона место министра внутренних дел; но, разумеется, он сохранял контакт с о своим опальным родственником. Лорд Каслри, тоже довольно молодой политик, сделавший имя на ирландском урегулировании и вполне преданный Питту, — настолько, что они считался почти родственниками; но еще двое — полноватый господин в одежде, характерной для континентальной Европы и худощавый немолодой субъект с обширными залысинами — были Питту незнакомы; а ведь он знал всех, или почти всех в Англии, кто имел хоть какой-то вес и значение!

Впрочем, секрет вскоре раскрылся.

— Сэр Уильям, эти господа прибыли к нам с континента. Господин Гаугвиц — бывший первый министр низложенного прусского короля Фридриха- Вильгельма; герр Гарденберг — бывший полномочный министр в земле Ансбах — представил незнакомцев лорд Каслри.

-Чем обязан, господа? — холодно произнёс Питт, окидывая посетителей отчуждённым, надменным взглядом.

— Уильям, — произнёс лорд Гренвилл, оглянувшись на своих товарищей — положение просто отчаянное! Как вы знаете, Аддингтон убедил Его Величество подписать союзный договор с Россией, согласно которого мы выплатим этой империи двадцать миллионов фунтов в течение ближайших шести месяцев, и еще шестьдесят миллионов — до конца этого года. Это чудовищная сумма; и мы обязаны будем отдать ее человеку, безжалостно потопившему наш флот всего лишь полтора года назад!

Пока Гренвилл рассказывал эти новости, лорд Каслри постоянно поглядывал на бывшего премьер-министра. Питт казался высокомерным и совершенно безучастным. Впрочем, сэр Роберт, не один год деля с ним парламентскую скамью, прекрасно знал, что он всегда выглядит так, когда речь идёт о политике.

— И среди уважаемых членов Палаты Общин, и в среде наших друзей в Сити крепнет убеждение, что союз с Россией — это последнее, что следовало сделать Англии! — продолжал между тем Гренвилл. — Их торговые привилегии разрушают нашу торговлю: печально известная компания «Русский дом», что, по слухам, принадлежит самому царю, и уже ставшая причиной разорения множества торговцев, под видом русских завозит в Лондон множество товаров, выпущенных в третьих странах и даже во Франции! Наши расходы на поддержание их вооружённых сил огромны и совершенно не соответствуют возможностям нашего казначейства. Все опасаются неизбежности введения новых налогов; завтра в Палате Общин обсуждается правительственный законопроект о налогообложении всех городских строений, имеющих более восьми окон, но ходят упорные слухи, что этим дело не обойдется... Нам не хватает вас, Уильям, вашего здравомыслия и веского слова на заседаниях! Вы должны поддержать нашу борьбу против этого чудовищного, противоестественного альянса льва и медведя!

Сэр Уильям лишь холодно пожал плечами.

— Я не склонен судить за этот союз Аддингтона. Не стоит заблуждаться, господа — наша страна отчаянно нуждался в русской поддержке против Франции. Ни я, ни кто-то другой в Палате Общин не представляем себе, каким еще способом может быть разбит галльский Молох! Теперь, когда Австрия разгромлена французами и на Апеннинах и в Баварии и подписала унижительный мир, а Пруссия уничтожена русскими вплоть до того, что королевская семья оказалась в их плену, в Европе просто нет иной силы, которую можно было бы противопоставить Парижу. Тут, господа, я полностью согласен с премьером Аддингтоном. Чёрт побери, да я и сам бы с удовольствием подписал с русскими союзный договор — ведь если хочешь победить чёрта, надобно самому стать чёртом! Но, с другой стороны, решительно никто в Англии не заинтересован в том, чтобы одна гегемонистская страна сменила другую, или чтобы Россия была наделена ролью арбитра Европы!

Лорд Каслри беспокойно оглянулся на немцев и перешел на французский — очевидно, пруссаки не знали английского и не могли понимать, о чем идёт речь.

— Сэр Уильям, вы не слышали, должно быть, последних новостей из Германии. Как вы знаете, еще в прошлом году русские сформировали из остатков прусских и саксонских сил армию, горделиво величав ее «Вооружённые Силы Северо-германского союза». Тотчас после создания на обломках Королевства Прусского этого скороспелого и странного государственного образования были произведены дополнительные воинские наборы; и ныне, как говорят, силы Союза насчитывают более ста тысяч солдат, проходящих самую тщательную и скорую переподготовку под началом известного своею опытностью и военными дарованиями графа Суворовф. Так вот, по данным наших источников, в среде этих военных созрел заговор в пользу императора Александра! Они желают отрешить от власти бундеспрезидента Вильгельма, не пользующегося никаким доверием в военной среде, и предложить Александру возглавить Северогерманские земли, провозгласив Германскую империю! Господа Гаугвиц и Гарденберг, уведомленные доброжелателями об этом чудовищном плане, поспешили связаться с нами, и тотчас прибыли в Лондон. Прошу вас, господа!

Немцы переглянулись, перебросившись между собой парой фраз по-немецки. Затем герр Гарденберг, откашлявшись, произнёс:

— До меня дошли сведения от бывших офицеров Королевской прусской армии, в среде которых еще сохраняется верность нашему вероломно плененному королю, о том, что среди чиновников и офицеров Северо-германского союза распространяются разговоры о неспособности президента Вильгельма и необходимости устройства дел в Союзе «на более прочном монархическом основании». При этом император Александр называется в качестве лучшего кандидата на верховную власть. Центром заговора является обер-президент барон фон Штейн, как известно — второй человек в иерархии Союза. Неизвестно, является ли вся комбинация плодом раздумий самого барона Штейна, или это результат интриг русского посланника Колычова, но сейчас важно другое: заговор этот весьма близок к кульминации. Как только последуют первые военные неудачи — а они несомненно будут, ведь в деле участвует сильнейшая в мире французская армия под командованием самого Моро — как заговорщики тут же выступят и поставят русского царя германским императором!

Питт слушал Гарденберга с безучастным видом; в продолжение всего разговора ни один мускул не дрогнул на его лице. Наступило молчание.

— Последствия этих событий — вмешался в разговор министр Гаугвиц — легко предсказуемы. После более чем вероятного поражения Франции ваша страна столкнётся с ещё более чудовищным монстром, — объединенной Русско-немецкой империей, под началом несомненно талантливого, но совершенно непредсказуемого человека! Прошлогодний Германский Конгресс показал, что этот молодой монарх сочетает в себе как высокое человеколюбие, так и истинно якобинскую беспринципность; с его благословения сотни князей и тысячи имперских дворян лишились своих владений! Теперь эти несчастные влекут самое жалкое существование, перемещаясь от одного двора к другому и нигде не находя сочувствия своим несчастьям. Австрия бессильна после прошлогодних поражений и лишь в ярости наблюдает, как новые власти Германии разрушают остатки имперских учреждений; Пруссия повержена в прах, Франция поражена революционным безумием, остальные просто бессильны... У них есть лишь одна надежда — на Англию; но союз вашей страны с Россией лишает нас и этого последнего шанса на справедливость!

Напрасно посетители пытались прочесть что-либо на каменном лице бывшего премьер-министра — казалось, булыжники мостовой были более красноречивы, чем этот надменный субъект.

«Как же он высокомерен, — с сожалением подумал лорд Гренвилл. — И в то же время — какой выдающийся ум!»

— Не желаете ли выпить кларету? — наконец вымолвил Питт, с видом, будто он только что вспомнил о своих обязанностях гостеприимного хозяина, и теперь с крайней неохотой пытается быть любезен.

— Благодарю, но, кажется, для вин еще слишком рано. Как полагаете, Роберт? — спросил Гренвилл, беспокоило оглядываясь на Каслри.

Немцы тоже с недоуменным видом отказались от вина. «В этом Лондоне одни пьяницы и торгаши» — явственно читалось на их благообразных респектабельных физиономиях.

— Знаете, Уильям, а я, пожалуй, не отказался бы! — вдруг заявил Роберт Каслри, понимая улыбнувшись Питту.

Сидней, в почтительном полупоклоне ожидавший распоряжений, тотчас же бросился к буфету, откуда извлёк большой богемского стекла графин, полный рубиновой жидкости.

Питт и Каслри приложились к бокалам — первый выпил всё д дна, другой лишь слегка пригубил. По бледному лицу бывшего премьер-министра разлился румянец, в глазах появился блеск.

— Господа — наконец негромко произнес он. — На самом деле я полагаю, что ситуация очень скоро обернётся в нашу пользу. Провидение явно на вашей стороне! Война между столь мощными континентальными державами с очевидностью не может быть ни простой, ни быстрой. Рано или поздно, как это обычно бывает, когда в схватке сходятся два равных по силам противника, они истощат друг друга. И в этот момент, господа, на сцену вновь выступит Австрия!

Услышав это, немцы недоумённо переглянулись.

— Но, герр Питт, Австрия слаба... — начал было возражать Гаугвиц, но Питт ледяным взглядом прервал его.

— Да, Австрия сейчас слаба, но теперь, когда один ее сосед повержен, а два других, судя по всему сцепятся в смертельной схватке, у неё появится время накопить силы. Мы все здесь прекрасно понимаем, что в Вене в равной степени ненавидят и ту, и другую сторону нынешнего конфликта. Французы уже дважды наносили австриякам поражения, лишив их владений в Италии. Русский царь, столь неуклюже вмешавшийся во внутригерманскую политику, вызвал справедливый гнев Венского кабинета, неосмотрительно разрушив Священную римскую Империю германской нации. Кроме того, пропагандируемая им политическая система крайне губительна для Австрийского дома, чьи владения составлены из столь разнородных земель! Налейте ещё, Сидней! Камердинер дисциплинированно вновь наполнил бокалы.

— Пока две стороны — продолжил Питт, с удовольствием пропустив несколько глотков — уничтожают и истощают друг друга, Австрия будет копить силы. Полагаю, мы поможем им, предоставив некоторое денежное воспомоществование... А затем наши державы — Англия и Австрия — выдвинем воюющим совместный ультиматум: заключить мир при нашем посредничестве и на наших условиях! Страна, которая не согласится с этим требованием, будет атакована во фланг возрождёнными австрийскими силами. Поскольку Австрии в это время будет у нас на полном содержании, условия мирного договора (а значит, и всё послевоенное устройство Европы) будет целиком и полностью продиктовано нами. Конечно, если в это благословенное время премьер-министром буду я, а не мистер Аддингтон, результаты будут намного более впечатляющими... хотя, думаю, в такой ситуации даже Генри вполне справиться!

Услышав это, гости вздохнули с облегчением; англичане заулыбались, и даже каменные лица немцев несколько разгладились. Если мистер Питт видит выход из ситуации — значит, всё совсем не безнадежно!

Поговорив ещё некоторое время посетителей удалили. И Питт остался один — наедине с Сиднеем и графином кларета. Лёгкая змеиная улыбка играла на его бледном челе; чувствуя как по телу разливается тепло, сэр Уильям размышлял о будущем, причём впервые за долгое время он делал это с заметным удовольствием.

«Генри не сможет выплачивать субсидию русским, не прибегая к экстраординарным налогам — с холодным злорадством думал он. — Казна истощена предыдущими расходами на военные действия; кроме того полным ходом идёт восстановление Королевского флота, столь сильно пострадавшего во время той несчастной экспедиции в Балтику. Сити уже больше не даёт короне займы на прежних условиях, и Аддингтон вынужден будет ввести подходящий налог! Это неминуемо обрушит его популярность среди торговцев. А потом, когда русские победят — а они, вернее всего, победят — газеты зададутся вопросом: как же случилось так, что на английские деньги и с английской помощью на Континенте возникла гигантская двуединая монархия, мощи которой совершенно нечего противопоставить? Как только Франция падёт, мы вновь окажемся в состоянии войны с Россией, ведь она чудовищно усилится, разрушая остатки европейского равновесия! В Палате Общин разразится грандиозный скандал; кабинет Аддингтона падёт, и тогда король вновь обратится ко мне... Я снова стану премьер-министром, и вот тогда-то комбинация с Австрией будет более чем уместна! Мы пообещаем им Валахию, Молдавию, да что там — все Балканы — лишь бы они разгромили ослабленных русских. Очевидно, придётся привлечь и остатки французских сил; впрочем, когда у власти окажется Людовик XVII, это будет более чем возможно! Союз Австрии, Англии и Франции, дополненный внутренней оппозицией в среде германского дворянства, сможет отбросить Россию обратно, к ее историческим границам, тем, что были двести лет назад...

Лишь бы мосье Талейран выполнил то, что обещал и за что ему давно уже было заплачено...

Через несколько дней до Питта дошло известие, что русский посол Толстой добился успеха: Российская империя обязалась выставить 120 000 солдат, а Англия — выплатить 40 млн. фунтов за первый год и по 12 миллионов — каждый следующий год войны, если за год с Францией не удастся сладить и дальнейшее финансирование окажется необходимо. Но текст соглашения до поры оставался секретным.

Русские чего-то ждали.

Глава 7

Интерлюдия

В сумрачном кабинете Министерства иностранных дел, где густой табачный дым смешивался с ароматами старых пергаментов и дорогих чернил, министр Шарль-Морис де Талейран-Перигор в задумчивости водил пальцами по позолоченному краю письменного стола. Напротив него, почтительно склонив голову, сидел его верный секретарь, месье Шарль Арнье, чья стройная фигура казалась почти призрачной в свете дрожащих свечей.

— Месье Арнье, — голос Талейрана был мягок, но исполнен того ледяного оттенка, который его подчинённые давно научились распознавать как грозный признак грядущей бури, — мы стоим на грани великого перелома. Северо-Германский союз оказался куда крепче, чем предполагали наши консулы. А Жубер... Ах, бедный Жубер. Он хороший солдат, но не государственный муж.

Арнье кивнул, записывая каждое слово своего господина. На министра Талейрана очень нечасто снисходили такие моменты откровенности; и Шарль Арнье очень ценил их. Он знал, что эти беседы порой предвосхищали грядущие перемены, иногда — грандиозные и .

— Вы полагаете, месье, что поражение неизбежно? — осторожно спросил он.

Талейран чуть усмехнулся, его усталые глаза на мгновение сверкнули весельем.

— О, неизбежность — это лишь удобный термин для тех, кто не умеет играть в шахматы, — сказал он, разминая пальцы, словно перед очередным ходом. — Но я вижу фигуры на доске и могу сказать: текущий режим обречён. Коалиция из Англии, Северо-Германского союза и России, с возможным присоединением к ним Австрии, не оставит Франции выбора. Власть Консулата слишком слаба, его поддержка основана на надеждах публики на военный успех. Из всех трёх фигур — Сиёес, Роже-Дюко, Жубер — популярной может считаться лишь военный консул; двое других давно уже зарекомендовали себя как беспринципные интриганы. Жубер же — признанный любимчик публики, талантливый, хоть и несколько безрассудный военачальник, пострадавший от политических интриг. Стоит случиться первым поражением, и популярность молодого генерала начнёт таять с каждым днём. И когда Жубер падёт, а Сиёес попытается сохранить власть... тогда Франция вспомнит о законном правителе и вновь воззовет к нему!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.